

**АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДОВЫ
ИНСТИТУТ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

КАМАЛ МАКИЛИ-АЛИЕВ

На правах рукописи:

CZU:342.7(479.24+4722):341.231.14 043.2
342.7(478)(043.2):341.231.14 043.2

**ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
НА КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ, РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА И ГРУЗИИ**

Специальность: 552.01 – Конституционное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора хабилитат права

КИШИНЭУ, 2015

Диссертационная работа выполнена в Институте Правовых и Политических Исследований Академии Наук Молдовы

Научный консультант: **ГУЧАК Ион**, член-корреспондент, доктор хабилитат права, профессор

Официальные оппоненты: 1. **БАЛАН Олег**, доктор хабилитат права, профессор, АПУ
2. **КУШМИР Марчел**, доктор хабилитат права, конференциар, АПУ
3. **ЦАЦАНАШВИЛИ Мариам**, доктор юридических наук, профессор, Университет «Давид Агмашенебели», Грузия

Члены Специализированного Научного Совета:

1. **КОСТАКИ Георге**, председатель, доктор хабилитат права, профессор, ИЮПИ АНМ
2. **ГАМУРАРЬ Виталие**, научный секретарь, доктор права, конференциар, УЛИМ
3. **БАЛМУШ Виктор**, доктор хабилитат права, конференциар, ИЮПИ АНМ
4. **БУРИАН Александру**, доктор хабилитат права, профессор, ИЮПИ АНМ
5. **КЫРНАЦ Теодор**, доктор хабилитат права, профессор, ГУМ
6. **ПОПА Виктор**, доктор хабилитат права, профессор, УЛИМ
7. **СМОКИНЭ Андрей**, доктор хабилитат права, профессор, УЛИМ
8. **ТИМЧЕНКО Леонид**, доктор хабилитат права, профессор, Украина

Защита состоится «08» мая 2015 года в 14⁰⁰ на заседании Специализированного Научного Совета ДН 18.552.01-09 в Институте Правовых и Политических Исследований при Академии Наук Молдовы, муниципий Кишинэу, проспект Штефана чел Маре ши Сфынт, 1, аудитория 224.

С диссертационной работой и авторефератом можно ознакомиться в Центральной Научной Библиотеке «Андрей Лупан» Академии Наук Молдовы, Научной Библиотеке Государственного Университета Молдовы, Национальной Библиотеке Республики Молдова и на сайте www.cnaa.acad.md

Автореферат разослан «07» апреля 2015 года

Ученый секретарь
Специализированного Научного Совета

Виталие ГАМУРАРЬ,
доктор права, конференциар

Научный консультант:

Ион ГУЧАК,
член-корреспондент, доктор
хабилитат права, профессор

Автор:

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

© Камал Макили-Алиев, 2015

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность и значимость темы исследования. В существующих международно-правовых реалиях международное право прав человека как комплексная отрасль международного права, остается на удивление слабо исследованной и неизученной, хотя никто не может отрицать актуальность темы прав человека сегодня на международно-правовой арене.

Юридическая наука наших дней международное право прав человека еще ни разу не выделяла в качестве самостоятельной комплексной отрасли. В правовом мире права человека представлялись либо в качестве отдельной науки, либо в качестве учебной дисциплины. Дело в том, что большинство ученых-юристов, рассматривают отдельные концепции прав человека вне их международно-правовой оболочки, а скорее применительно к конституционному (национальному) праву. Другие исследователи, в свою очередь, фокусируются на философско-правовом анализе прав человека как правовой категории [26, с.3].

Практически никто из ученых не рассматривал права человека в качестве комплексной отрасли права как таковой, хотя для этого нет недостатка в предпосылках. В западной доктрине прав человека в трудах авторов иногда затрагивалось понятие «международного права прав человека» (*international human rights law*), но, к сожалению, оно так и не было ими определено, что приводило к использованию данного термина, лишь для удобства объяснения групп норм и институтов международного права [26, с.3].

В таких условиях, проблема влияния международного права прав человека на развитие и формирование соответствующих национальных отраслей конституционного права, практически вообще не затрагивалась в правовой доктрине. Тем более, что важность влияния международных норм на формирование системы конституционного права сложно переоценить, так как сплоченное и иерархизованное единство правил, установленных Конституцией и другими законами [55, с.13], в современном правотворчестве имеет и международные корни.

В настоящем научном исследовании осуществляется попытка **научного определения** международного права прав человека в качестве комплексной отрасли международного права и исследования его влияния на соответствующие национальные отрасли конституционного права. Эта попытка основана на общих научных знаниях о данной комплексной отрасли международного права, а также на анализе общей теории права, теории международного права и философии права.

Международное право прав человека уже имеет четко выраженные научные понятия, предмет, систему, значения и цели. Любое современное демократическое государство в процессе своей жизнедеятельности и функционирования постоянно сталкивается с большим разнообразием институтов данной отрасли права. Органы государственной власти находятся в постоянном контакте с различными международными органами и организациями, занимающимися развитием и применением международного права прав человека, что, в свою очередь, означает существенное влияние данной комплексной отрасли международного права на национальное конституционное право государства. Начинаясь с локального уровня постоянный процесс применения международного права прав человека получает свое развитие вплоть до международного уровня, иногда проходя все промежуточные стадии, включая и национальный, и региональный уровни. На международном и региональном уровнях данный процесс, анализируется, корректируется и адаптируется к существующим международно-правовым реалиям, что позволяет международному праву прав человека развиваться и отвечать

современным вызовам международного сообщества. Вслед за этим, процесс повторяет свой путь в обратном порядке, что образует замкнутый круг взаимовлияния международного права прав человека и национальных отраслей конституционного права, что и является главным **предметом** данного исследования.

Сформировавшись как отрасль международного права (сравнительно недавно), международное право прав человека регулирует отношения между субъектами международного права. Комплексность отрасли очевидна, так как данная отрасль международного права включает в себя нормы международного договорного права, международного обычного права, международного дипломатического права, международного гуманитарного права, международного уголовного права и других отраслей международного права. При этом именно комплексность данной отрасли международного права позволяет ей наиболее эффективно влиять на национальные отрасли конституционного права, так как собирательные материальные нормы, пройдя коллективную апробацию на международном уровне, с меньшим трудом интегрируются (имплементируются) в национальные законодательства государств [26, с.4].

Для любого современного демократического сообщества права человека играют ведущую роль в строительстве государственности, гражданского общества и синхронизации их функционирования. Добиться должного уровня соблюдения прав человека в любом обществе возможно, лишь при функционировании эффективного механизма имплементации и применения права прав человека. В данных целях международное сообщество создало различные системы имплементации и применения международного права прав человека, которые в комплексе с институтами прав человека в конституционном праве отдельных государств и претворяют международное право прав человека в жизнь во всем мире.

Учитывая отмеченное выше, сложно переоценить актуальность изучения влияния международного права прав человека на формирование соответствующих национальных институтов прав человека в конституционном праве государств. Слабое рассмотрение данной проблемы в научной литературе и отказе ей в должном внимании со стороны большинства ученых международно-правовой науки, создало определенный научный вакуум, который данное исследование стремится, хотя бы частично, заполнить.

Изучение влияния международного права прав человека на формирование соответствующих национальных отраслей конституционного права, позволит создать научную базу знаний о правах человека и их применении, адаптировать существующие методы и механизмы применения прав человека на национальном уровне, способствовать развитию демократии и гражданского общества и создавать атмосферу толерантности и правопорядка в обществе. Государства также напрямую заинтересованы в развитии научной базы знаний о правах человека, так как, в конечном итоге, подобные исследования приводят к положительным результатам и хорошо влияют как на ситуацию в государствах, так и на их международный авторитет. Данное исследование призвано внести вклад в подобную сферу научной деятельности и дать еще один толчок развитию правовой науки в данном направлении.

Касаясь **состояния изученности проблемы**, необходимо отметить, что в последнее время проблематике прав человека во всех сферах жизнедеятельности международного сообщества уделяется все большее внимания. Многие ученые и даже целые научные структуры заняты изучением проблем развития и функционирования прав человека, как в отдельно взятом государстве, так и на международном уровне. Права человека, как отдельная комплексная отрасль

международного права, влияющая на процессы с правами человека в государствах, также должна становиться предметом исследования и занять свое место международно-правовой науке.

При этом, влияния международного права прав человека на формирование национальных институтов прав человека в конституционном праве практически не исследовались. Труды многих ученых юристов затрагивали отдельные аспекты исследуемой проблемы, однако в вынесенном в заголовок ракурсе и комплексе данные проблемы не исследовались. Следует также отметить, что данный труд является лишь частью комплексного сравнительного исследования международного права прав человека и национальных отраслей конституционного права, которое охватывает широкий спектр соответствующих проблем.

Объектом настоящего исследования являются международно-правовые нормы, связанные с влиянием международного права прав человека на формирование соответствующих национальных отраслей конституционного права, через призму образования и имплементации таких норм материального права. Исследованию подвергаются также структура и практика международных и региональных организаций и формирование национальных институтов права прав человека. Более того, развитие и формирование таких норм и институтов рассматривается, в том числе, и на акцентированном примере таких государств, как Республики Молдова, Грузия и Азербайджанская Республика. Эти три относительно новых государства являются на данный момент представителями третьего уровня развития конституционного права и его взаимовлияния с международным правом прав человека. Примечателен тот факт, что постсоветское прошлое сближает правовые системы данных государств. Однако, исторический процесс развития конституционного права различен. Все это делает сравнительный анализ данных государств интересным и полезным объектом соответствующим целям данного исследования.

Мы не рассматриваем в целом влияние международного права на национальное право государств, а изучаем влияние отдельно взятой отрасли международного права, а именно международного права прав человека, на отдельно взятую отрасль национального права – конституционное право. Таким образом, актуальность для наших государств нового направления очевидна, поскольку данный процесс необходимо изучать в контексте того, что международное право прав человека само по себе содержит нормы не только международного права, но и конституционного права, философии, истории и т.д. Другими словами, когда речь идет о международном праве прав человека необходимо его рассматривать не столько в свете текста международно-правовых норм, а в первую очередь, в свете духовного содержания данной отрасли. Это, в свою очередь, позволит произвести так называемую трансформацию соответствующего толкования на уровень конституционного права государств. Здесь необходимо иметь ввиду, что соответствующее влияние не рассматривается исключительно в виде имплементации положений международных конвенций в области прав человека на национальном уровне, а, напротив, исследование построено таким образом, что позволяет указать на императивный характер положений составляющих так называемое «ядро» прав человека, признанных на уровне международного обычного права и инкорпорированных государствами на уровне конституционного права. Несмотря на то, что влияние международного права на институт прав человека является неоспоримым, именно государства являются акторами, определяющими, в силу осуществления суверенитета, уровень признания за правами и свободами человека

императивного характера на национальном уровне, в особенности на уровне конституционного права.

1. Анализ результатов исследований в области международного права прав человека и его влияния на национальные отрасли конституционного права государств.

1.1. Доктринальные работы, относящиеся к научному исследованию. Международное право прав человека в качестве комплексной отрасли международного права является все еще слабоизученным аспектом современной доктрины международного права.

В российской доктрине, по мнению А.Х. Саидова, международное право прав человека понимается как международное право в области прав человека, т.е. совокупность принципов и норм, регулирующих международную защиту прав и основных свобод индивидов и представляющих собой международные стандарты в области прав человека для национального права. Он полагает, что международное право в области прав человека является отраслью международного публичного права. Его основу составляют договоры системы ООН, а также региональных организаций (основные – в системах Совета Европы, Африканского Союза и Организации Американских Государств). Он также отмечает, что международное право в области прав человека тесно связано с такими отраслями международного права как право беженцев и международное гуманитарное право [36, с.10].

И.И. Лукашук в третьей редакции своего учебника «Международное право» отмечает, что международное право прав человека является отраслью международного права, принципы и нормы которой регулируют сотрудничество государств в обеспечении прав человека [15, с.6].

Он считает данную отрасль новой, получившей развитие после принятия Устава ООН. Несмотря на свою короткую историю, эта отрасль, по мнению автора, заняла центральное положение в системе международного права. Не отступая от своего межгосударственного характера, международное право все более ориентируется на человека. Лукашук подчеркивает, что в этом нет противоречия, скорее можно говорить о закономерной связи. Уважение прав человека, демократия – важная гарантия мира. В международных актах подчеркивается, что уважение этих прав является основой всеобщего мира.

Именитый ученый полагает, что международное право призвано стать гомоцентричным, т.е. ориентированным на человека. Оно придало статус императивных норм принципам и нормам о правах человека. И исходит из того, что эти принципы и нормы должны обладать соответствующим статусом и в правовой системе государства. Государство не имеет право, "совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение или неправомерное ограничение любых международно-признанных прав и свобод" [34, с.108].

Автор отмечает, что названные положения отражены и в Конституции Российской Федерации, которая придала особую юридическую силу общепризнанным принципам и нормам международного права о правах человека. Перечисление в Конституции РФ "основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина". Не должны "издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина" [14, ст.17]. Однако международное право указывает не только на права, но и на обязанности человека в отношении своего государства. Недопустимо злоупотребление правами человека в ущерб правам государства. Всеобщая декларация прав человека установила, что каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное развитие его

личности. Между правами государства и человека могут возникать противоречия. Задача состоит в том, чтобы гармонизировать их осуществление. Важная роль в этом принадлежит международному праву. Права государства и права человека должны осуществляться в соответствии с целями и принципами Устава ООН [9, ст.29].

Лукашук заключает, что налицо, таким образом, особый характер взаимодействия рассматриваемой отрасли международного права с внутренним правом государств, и прежде всего с конституционным правом. Общеизвестные принципы и нормы о правах человека стали общими принципами права, присущими как международному, так и внутреннему праву. Более того, и в том и в другом случае они обладают высшей юридической силой. Ограничивающий их договор будет недействителен. Они не могут умаляться внутренними законами. Таким образом, И.И. Лукашук приходит к выводу, что международное право прав человека, воплотило высшие достижения конституционного права. Однако, с другой стороны, она оказывает растущее влияние на конституционное право, являясь важным фактором его демократизации.

С другой стороны, доктор юридических наук, Ю.В. Самович, рассматривает международное право прав человека как совокупность согласованных юридических принципов и норм, устанавливающих обязательный для государств объем прав и свобод индивида, регламентирующих систему международно-правовых гарантий соблюдения и восстановления данных прав в случае их нарушения со стороны государства, а также межгосударственное сотрудничество в области развития и укрепления уважения к правам и свободам человека [28, с.19].

Ученый отмечает, что в современном международном праве отмечается тенденция к регламентации национального механизма защиты прав и свобод индивида. Это демонстрируется большим числом документов, касающихся вопросов судебной защиты, оказания юридической помощи и т.д. Данные документы не обладают обязательной юридической силой и носят рекомендательный характер для государств, однако их принятие в рамках главных органов Организации Объединенных Наций позволяет предполагать, что они имеют вес вспомогательных средств для определения международно-правовых норм. Это подтверждается тем, что указанные акты подчеркивают то обстоятельство, что нарушение государствами содержащихся в них норм является нарушением одного из основных принципов *jus cogens* международного права, касающегося уважения и защиты прав человека. Таким образом, основной задачей международно-правового регулирования статуса личности является не выработка какого-либо нового комплекса прав, а поиск средств для наиболее полного осуществления и защиты уже, закрепленных в существующих международных документах, касающихся основных прав и свобод человека [28, с.21].

Таким образом, автор еще раз подчеркивает взаимосвязь и влияние международного права прав человека на отрасли конституционного права на национальном уровне, через установление национальных механизмов защиты прав и свобод.

С точки зрения международных организаций, например, Офиса Верховного Комиссара ООН по правам человека, государства вправе выбирать собственные механизмы эффективного выполнения своих международно-правовых обязательств и приведения своего внутреннего законодательства в соответствие с этими обязательствами. Поскольку государственные правовые системы значительно различаются в этом отношении, хотя и обладают некоторым сходством, каждый соответствующий национальный судья, прокурор и адвокат, должны знать о том,

каким образом международно-правовые обязательства его государства включены в национальное право.

Офис отмечает тенденцию со стороны государств по принятию помощи со стороны международных и региональных организаций в области приведения своего конституционного и иного законодательства в соответствие с международно-правовыми обязательствами в области международного права прав человека [31, с.25].

Таким образом, Офис Верховного Комиссара ООН по правам человека, рассматривает влияние международного права прав человека с позиций универсального права на защиту, применяющееся в национальных судах с учетом международно-правовых норм, которые государства обязаны использовать при отправлении правосудий.

Например, И. Мурапу и Г. Янку в своей монографии «Drepturile, libertățile și îndatoririle constituționale», определяют право на защиту, как традиционно фундаментальное право в истории развития института прав и свобод человека, закреплённое в конституциях большинства стран мира, хотя и отмечают, что не во всех конституциях право на защиту относится к разделу, отвечающему за права и свободы. В конституциях некоторых государств Южной Европы право на защиту традиционно закрепляется в виде принципа осуществления правосудия и находится в разделе охватывающем судебные органы [67, с.39-44].

Характеристика права на защиту с точки зрения конституционного права популярна и в правовой доктрине Молдовы, К. Дима, Г. Потривицу в «Dreptul la apărare», К. Олтяну в «Principiile siguranței persoanei» и Т. Осояну, в своих публикациях фокусируются именно на данном нексе международно-правовых прав человека и конституционного права. В то же время, румынский ученый В. Дабу, в своей книге «Despre dreptul și arta apărării», характеризует право на защиту не только как совокупность процедурных прав и правил, которые могут быть использованы лицом для реализации защиты против предъявленных ему обвинений, но и как способность данного лица опровергнуть предъявленные обвинения и доказать необоснованность данных обвинений [51, с.9].

Мнения указанных ученых подтверждаются и итальянскими учеными Б.Конфорти и Ф. Франциони, которые полагают, что международное право прав человека должно применяться в национальных судах и регламентироваться национальными отраслями конституционного права для реализации права каждого человека на защиту своих неотъемлемых универсальных прав. Более того, авторы считают, что национальные суды должны иметь возможность напрямую применять международное обычное право прав человека [49, с.4].

Более того, попытки рассматривать влияние отраслей международного права на конституционное право проводятся чаще всего на локальном уровне применительно к одному государству, а не глобально в рамках системного подхода. Например, молдавский ученый В. Пырлог, в своей диссертационной работе «Совместимость Европейской Конвенции по правам человека с Конституцией Республики Молдова в области свободы выражения мнения», предпринимает попытку анализа влияния европейского права прав человека на данный институт конституционного права Молдовы [35, с.26]. Как видно объектами исследования являются региональная система прав человека и национальный институт конституционного права одного государства.

Отмечая существенный вклад в исследовании проблематики прав человека молдавских ученых, заслуживают внимания некоторые работы.

Так, Теодор Кырнац и Мария Кырнац в работе «Protectia juridică a drepturilor

omului» [46] отмечают что, будучи существенно привязана к политическим явлениям, проблематика прав человека представляет собой в первую очередь социальный аспект. По их мнению, для понимания феноменов появления и развития концепции прав человека данный процесс необходимо рассматривать через призму исторического развития человечества. А для этого в свою очередь необходимо обратиться к процессу развития философских и исторических идей характерных самому человеку [46, с.9].

В работе детально рассматривается проблематика прав человека. В целях должного понимания данного института представляющий предмет изучения в одинаковой мере, как для конституционного, так и для международного права, авторы рассматривают развитие политической и юридической концепции прав человека, теоретические аспекты института прав человека, применяемые принципы в области прав человека и т.д.

Отдельно рассматриваются категории прав и свобод, регулируемых Конституцией Республики Молдова. Представляют также интерес главы, посвященные национальным и международным юридическим механизмам соблюдения прав и свобод человека.

В целях рассмотрения широкого спектра юридических инструментов, гарантирующих права человека на национальном, региональном и универсальном уровнях были изучены основные международные региональные и универсальные источники, инструменты и системы защиты прав человека. Преследуя указанные цели, авторы, сосредоточились также на проблематике защиты прав отдельных категорий лиц – женщин, детей и т.д. В равной степени поставленная задача была достигнута путем рассмотрения механизмов защиты различных категорий меньшинств – национальных, этнических, сексуальных и т.д.

В другой работе «Drept constituțional» [45], Теодор Кырнац посвящает несколько глав проблематике прав человека – гражданство Республики Молдова; правовой статус иностранцев в Республике Молдова; основные права, свободы и обязанности; институт омбудсмена в Республике Молдова. Естественно, что проблематика прав человека проходит красной нитью по всей работе, но мы отметили несколько глав, поскольку они непосредственно относятся к исследуемой теме.

Автор указывает, что права человека являются реальностью и олицетворяют собой деятельность человечества на всем своем протяжении в рамках правового государства [45, с.268]. Целью правового государства является обеспечение прав любого лица без какой-либо дискриминации по различным критериям.

На современном этапе права человека стали объектом исследования гуманитарных наук, таких как конституционное право, философия, теория государства и права, международное право и т.д.

С концептуальной точки зрения права человека являются многопрофильным феноменом. Во-первых, права человека могут трактоваться как система идей, концепций о мире, основанные на принципе гуманности. Во-вторых, права человека представляют собой способ защиты от посягательств со стороны государства. В случаях, когда права человека массово нарушаются государством, международное сообщество прибегает к системе политического, экономического или военного давления на данное государство [45, с.271].

В рамках конституционной системы Республики Молдова, институт основных прав и свобод граждан основывается на принципах, отраженных в Конституции, либо они подразумеваются [45, с.274].

Профессор Андрей Смокинэ в работе «Istoria universală a statului și dreptului»

[74] в равной мере косвенно касается проблематики прав человека. Это продиктовано тем, что восприятие концепции прав человека невозможно вне изучения понятий государства и права. Развитие государства и права основывалось на продвижении идеи прав человека, будь то в философском, политическом, религиозном, юридическом толковании. Работа в этом смысле представляет особый интерес, особенно в контексте описания развития государства и права в таких странах как Англия, Франция, США, но в одинаковой мере и в других государствах на которые повлияли названные страны, будь то непосредственно, либо косвенно.

Профессор Георге Костаке в работе « *Direcții prioritare ale edificării statului de drept în Republica Moldova*» [50] также косвенно касается рассматриваемой темы. Несмотря на то, что работа не посвящена непосредственно проблематике прав человека, она представляет особый интерес, в первую очередь, через призму места и роли концепции прав человека в рамках создания правового государства в Республике Молдова.

Оценивая неоспоримую роль Конституции в становлении правового государства, автор отмечает, что принимая с самого начала Основной Закон государства, Конституция, несмотря на все революции, реформы, соревнования политических сил, различные политические доктрины, особенности права в различных государствах, остается основным элементом любой национальной правовой системы [50, с.77].

Автор считает, что особая роль Конституции как Основного Закона государства начинается с самого текста представляющего основной источник политической системы, политической власти – естественная реальность любого социально-государственного устройства; юридическая основа всего законодательства, источник национальной правовой системы, прав и свобод гражданина [50, с.79]. В то же время, Конституция рассматривает основные принципы экономической, политической, социальной и юридической жизни в соответствии с основными ценностями, защищаемые государством.

Относительно прав и свобод человека и гражданина, автор отмечает особую функцию Конституции, ориентированную на их обеспечение – функция защиты прав человека [50, с.94].

Говоря в заключение о роли Конституции в процессе становления правового государства, автор считает, что государство должно взять на себя всю полноту ответственности по поднятию уровня политической и юридической культуры членов общества, в целях создания необходимых материальных и экономических условий для нормальной жизни, для обеспечения разностороннего развития индивидов, реализации их основных прав и свобод.

Сергей Цуркан, в статье «*Reglementarea constituțională a principiului caracterului excepțional al restrângerii exercitării unor drepturi și libertăți fundamentale*» [76, с.90] отмечает, что основные права и свободы человека на современном этапе представляют собой универсальные ценности для всего человечества, гарантированные Конституциями государств, а также международными договорами, регионального и универсального характера, указывая на их неприкосновенность и неотчуждаемость [76, с.90]. Права и свободы, предусмотренные основным законом, не могут быть пересмотрены в целях их изъятия либо каким-то образом отрицательного влияния на основные права и свободы. Однако, в определенных исключительных ситуациях, непосредственно регулируемых, некоторые права и свободы могут стать объектом ограничения. Таким образом, по мнению автора, принцип исключительного характера сокращения некоторых прав и свобод представляется основным принципом регулирующего институт прав человека,

находя свое подтверждение в Конституции Республики Молдова, а также в некоторых важных международных договорах.

В другой статье, «Aspecte privind consolidarea drepturilor fundamentale ale omului în Constituțiile statelor Uniunii Europene» [75, с.234], Сергей Цуркан отмечает, что Европейский Союз основан на универсальных и неотчуждаемых ценностях человеческого достоинства – свобода, равенство, солидарность, демократия и правовое государство. Европейский Союз ставит личность в основу своих действий, создавая пространство свободы, безопасности и справедливости. Исходя из аксиомы, что человек создает государство, имеющий одну обязанность – обслуживать человека, сохранять и развивать общие ценности – защита основных прав и свобод личности является приоритетом для Конституций государств Европейского Союза, выделяя две общие тенденции:

- ✓ поддерживается политика расширения участия граждан в процессе осуществления государственной власти;
- ✓ данные Конституции обладают явным социальным оттенком, отмечая социальные и экономические права человека, а также предусматривая конституционные гарантии их соблюдения [75, с.234].

В азербайджанской и грузинской доктринах прослеживаются интересный подход к конституционному праву и его взаимодействию с международным правом прав человека.

Айтен Мустафаева в своей книге «Защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве и законодательстве Азербайджанской Республики» [29], отмечает, что большое значение для развития законодательства Азербайджана послужило включение в Конституцию государства норм отражающих международное гуманитарное право [29, с.6].

Автор полагает, что несомненным успехом основного закона государства – Конституции Азербайджанской Республики, стало наличие норм, которые позволяют разрешать коллизии, возникающие между международным договором и национальным законом на основании принципа *lex posteriori derogate legi priori*, когда международные договора обладают преимуществом над любыми нормативно-правовыми актами, вступившими в силу до или после присоединения к данному международному договору [29, с.106].

Более того, далее в работе А. Мустафаева отмечает, что внеся соответствующие изменения в Конституцию, Азербайджанская Республика выполнила основную часть своих обязательств в соответствии с международным правом прав человека, заключавшихся во внесении в национальное законодательство основных принципов международной защиты прав человека и следования определенным стандартам [29, с.95].

Автор особо выделяет определяющую роль Конституции как проводника всеобщих принятых норм и принципов международного права прав человека в национальное законодательство страны, и приводит в пример Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики, где в статье 1.2 такое положение дел нашло свое прямое отражение. Далее автор признает значимость конституционных норм для отправления правосудия на основе международных норм и стандартов [29, с.111]. Схожих взглядов придерживается грузинский автор Б. Накашидзе в своих работах о государственном суверенитете и проблемах международного управления [68, с.13].

Другой азербайджанский ученый, Амир Алиев в своей работе «Müasir beynəlxalq hüquqda insan hüquqları, əhali və miqrasiya problemləri» [54], отмечает, что международное сообщество давно пришло к консенсусу по поводу фундаментальных прав и свобод человека, которые стали ключевой категорией для

имиджа любого государства. В тоже время имплементация основных принципов прав человека в конституции различных государств уже сложилась в качестве международного обычая – особенно в случае с современными «молодыми» государствами [54, с.33].

При этом, автор отмечает, что наличие конституционных норм, устанавливающих режим примата международного права над национальными нормативно-правовыми актами (за исключением Конституции) является неоспоримым преимуществом Конституции Азербайджанской Республики, так как это позволяет национальному законодательству быть более адаптивным к международным реалиям и трендам в международном права, особенно в областях прав человека, социальных реформ и миграции [54, с.48].

А. Алиев полагает, что не только имплементация норм международного права прав человека, но и их эффективная судебная защита, являются залогом эффективного функционирования конституционных механизмов правоприменения. В этом смысле невозможно переоценить вклад Конституционного Суда, конституционно-наделенного полномочиями по защите основных прав и свобод человека, что нашло свое отражение и в соответствующем субконституционном законодательстве [54, с.132].

В тоже время, в азербайджанской доктрине звучит и ответ на критику взаимовлияния конституционного права и международного права прав человека. Намик Алиев в своей книге «Международное право и Нагорно-Карабахский конфликт» [2], отмечает, что доктрина конституционного и международного права достаточно консервативна в своих дефинициях, но при этом никакой критики не выдерживают идеи о недееспособности международно-правовых норм [2, с.74].

Н. Алиев однозначно утверждает, что именно международно-правовые нормы нашли свое отражение в конституционных положениях многих государств в виде принципа того, что часть народа не может принимать решения, имеющие судьбоносное значение для всего народа [2, с.51], так как нет конституционного понятия принадлежности власти лишь части народа.

Далее, в логическом продолжении рассуждения автор утверждает, что легитимный процесс формирования волеизъявления народа и основанный на нем законодательный процесс являются необходимыми и определяющими условиями государственного строительства [2, с.31]. С таким подходом соглашается, и грузинский автор Леван Алексидзе, в своей работе посвященной абхазской проблематике [1, с.266].

Однако, существует и несколько иной взгляд в доктрине. Азербайджанский ученый Низами Сафаров в своей книге «Проблемы обеспечения совместимости Римского Статута Международного Уголовного Суда и национальных правовых систем (опыт законодательства Азербайджанской Республики)» [38], считает, что хотя соответствующая статья Конституции Азербайджана и провозглашает, что международные договора Азербайджанской Республики являются неотъемлемой частью правовой системы государства, это вовсе не означает во всех без исключения случаев прямого действия указанных актов. Данное положение не следует трактовать таким образом, будто все международные договора могут прямо реализовываться во внутригосударственной правоприменительной практике, тем более, когда речь идет о ситуациях, когда создаются коллизии между положениями международных договоров и актов национального законодательства [38, с.9].

При этом, далее автор несколько противоречит себе же, когда далее утверждает, что согласно другим нормам Конституции Азербайджана, при возникновении противоречий между нормативно-правовыми актами, входящими в

систему законодательства Азербайджанской Республики и межгосударственными договорами, стороной которых является Азербайджанская Республика, применяются международные договора. Автор пытается оправдать положение тем, что эти же нормы исключают из сферы своего действия Конституцию и акты, принятые путем референдума, т.е. договоры не могут обладать приоритетом над ними [38, с.9].

Н. Сафаров полагает, что данные конституционные положения не устанавливают примата международного права и в действительности они лишь призваны решать возможные коллизии между правилами международного договора и нормативно-правовыми актами Азербайджанской Республики. Кроме этого, автор считает, что тут речь идет не о всех международных договорах, а только о тех, которые непосредственно применимы к внутригосударственным отношениям и не требуют для этого дальнейших национально-правовых имплементационных мер [38, с.10].

Н. Сафаров также отмечает, что определение конкретных способов и средств реализации норм международного права относится к исключительной компетенции государства и отличается существенным разнообразием. Для международного права важно неукоснительное соблюдение государством своих международных обязательств, при этом государство само избирает приемлемые для этого способы в своей конституционно-правовой плоскости [38, с.11].

Несмотря на подобную позицию (с которой трудно согласится), автор все же признает, что как показывает практика, международные договора воплощают в себе наиболее продуктивные и передовые правовые подходы, являющиеся отражением положительного национального и международного опыта, а их использование законодателем, даже в том случае, если указанные договора еще не ратифицированы, способно только обогатить содержание актов, принимаемых на внутригосударственном уровне [38, с.16].

Другой азербайджанский автор, Вафаддин Ибаев в своей книге «*Beunəlxalq humanitar hüquq*» [59], отмечает, что Азербайджанская Республика приняла на себя обязательства по выполнению положений заключенных ею международных договоров с принятием своей Конституции и отражении в ней соответствующих положений. При этом очевиден тот факт, что Азербайджанская Республика строит свою государственность именно на принципах, установленных международно-правовыми нормами, что также получило свое конституционное закрепление [59, с.449].

При этом В. Ибаев полагает, что хорошим примером отражения норм международного гуманитарного права в азербайджанском законодательстве, является имплементация норм Женевских Конвенций 1949 г. в национальное уголовное право. При этом имплементация указанных норм не проходила в узком спектре международно-признаваемых "серьезных нарушений Женевского права", а в более широком смысле. То есть, законодатель расширил круг нарушений Женевских Конвенций, которые на внутригосударственном уровне признавались бы уголовными деяниями [59, с.452].

Автор, приводит в качестве другого хорошего примера – универсальную юрисдикцию, отмечая, что именно этот механизм международного правоприменения способен отражать транспарентность взаимовлияния конституционного и международного права, когда речь идет о преступлениях, признаваемых противоправными деяниями по всему миру и порицаемых международным сообществом во всей его полноте. В дополнение к своему аргументу автор также приводит соответствующие положения Европейской Конвенции по Правам Человека [59, с.456]. Схожее мнение прослеживается и в работе грузинского ученого Бадри

Накашидзе, посвященной международному праву во времена военно-политического кризиса [30, с.22].

Другой грузинский ученый Л. Матарадзе в своей работе, посвященной равноправию и самоопределению народов в международном праве, отмечает, что данные принципы явились катализатором имплементации большого количества международных норм в современные конституции и акты независимости различных государств. Именно эти принципы в свое время явились юридической основой для начала процесса деколонизации и формирования новых независимых государств, которые начали строить свое внутреннее право на основании международных норм и основополагающих принципов международного права и международных обычаев [27, с.8].

Автор отмечает также, что влияние конституционного права ведущих государств на формирование общепризнанных принципов международного права также велико ввиду проникновения неолиберальной мысли в букву и дух норм и принципов, продекларированных в Уставе ООН [27, с.9].

Другой грузинский автор Г. Хатидзе в своей работе, посвященной правовым основам миротворческих операций ООН, отмечает, что нормы международного права, часто со временем трансформируются в международный обычай и действуют как нормы обязательные к исполнению любым государством. В этом смысле происходит процесс уравнивания норм международного обычая и национальных норм конституционного права, позволяющих регулировать отношения в государстве на национальном уровне. Такое положение дел необходимо учитывать и при проведении ООН международной миротворческой операции. Основополагающие принципы для проведения таких операций следуют, прежде всего, и Устава ООН и мандата организации по поддержанию международного мира и безопасности [56, с.86].

В западной доктрине подход к взаимовлиянию международного права прав человека и конституционного права приобрел несколько иной характер.

Рона К.М. Смит в своей ключевой работе по международному праву прав человека считает, что данная отрасль права вообще стала дисциплиной отдельной от международного публичного права. Более того, автор отделяет доктрину международного права прав человека в период функционирования Лиги Наций и доктрину периода после создания ООН, обосновывая это фундаментальным различием подходов и установлением принципов универсальности и запрета дискриминации [73, с.5].

В тоже время, Д. Реман настаивает на том, что развитие международного права прав человека усилило роль негосударственных субъектов в международном праве. Хотя государства продолжают оставлять за собой роль центральных игроков в международном праве, с развитием международного права прав человека, они были вынуждены создавать правовую сеть (систему правовых норм) прав человека, вступая между собой в большое количество различных договоров и соглашений. Ученый полагает, что в то время, когда международно-правовые нормы обязывают государства в праве международных договоров, международном обычном праве или в сфере общих принципов международного права, характер международного права прав человека остается *sui generis* [69, с.14].

Одновременно, Д. Вейсброд и Кони де ла Вега полагают, что в виду того, что государства пришли к консенсусу по поводу того, какие действия нарушают международное право прав человека, влияние на конституционное право различных государств увеличилось с трех позиций: 1) имплементация норм и принципов международного права прав человека в национальные отрасли конституционного

права; 2) толкование конституционного права в консенсусе с такими нормами и принципами и 3) применение данных норм таким образом, чтобы не подвергаться национальной и/или международной критике. Они также соглашались с Д. Реман в вопросе увеличения роли международных и неправительственных организаций, а также индивидов в международном праве прав человека объясняя это глобальным развитием определенных институтов конституционного права [80, с.8].

С другой стороны, К. Добблер указывает на то, что взаимовлияние конституционного права и международного права прав человека объясняется схожестью факторов их развития как отраслей права. Автор отмечает, что обе отрасли права в своем развитии исключительно сильно зависят от правовых инструментов и решений судебных (или квази-судебных) органов, а также других авторитетных источников принятия решений. Фактически Добблер указывает на логику параллельного развития указанных отраслей права. Добблер, в тоже время, рассматривает и конституции различных государств на предмет их частичного переплетения с международным правом в области прав человека. Хотя он и не рассматривает ситуацию с точки зрения сравнительного правового анализа, он все же отмечает, наличие институтов права прав человека в конституциях некоторых государств и подчеркивает влияние международного права на национальные институты конституционного права данных государств [52, с.11].

Например, А. Лестер полагает, что развитие международной юриспруденции и сравнительного правоведения усилило применение норм международного права (в частности международного права прав человека) в национальных отраслях права – в особенности конституционного [64, с.36]. С ним соглашается К. Кноп, утверждающая, что конституционное право, и юриспруденция постоянно обогащаются международными нормами, а сравнительная методология служит дополнительным подспорьем и руководством в данном процессе [61, с.78].

Более того, в западной доктрине речь зачастую идет об обратном феномене – т.н. глобализации и интернационализации конституционного права. В данном ключе, М. Тушнет утверждает, что под глобализацией конституционного права понимается глобальное распространение определенных конституционных ценностей и прав, получивших постоянно растущее международное признание, в сочетании с переплетением и унификацией конституционных норм по всему миру [77, с.103]. В то же время, Г. Шварц полагает, что интернационализация международного права – то взаимодействие и взаимопроникновение международного публичного права (в том числе и международного права прав человека) и национальных отраслей конституционного права, что подтверждается постоянно растущим уровнем инкорпорации правовых норм международного права прав человека в национальные отрасли конституционного права государств [72, с.15].

1.2. Влияние обычного международного права на универсальное толкование прав человека. В нашей работе мы рассматриваем проблему соблюдения прав человека в различных условиях, в том числе во время вооруженных конфликтов. Кстати, необходимо отметить, что некоторые исследователи традиционно считают международное гуманитарное право (МГП) составной частью международного права прав человека (МППЧ). Тот факт, что вопросу соблюдения прав человека во время вооруженных конфликтов уделяется, все больше внимания может только приветствоваться, что означает, что международное сообщество не считает больше тему прав человека во время вооруженных конфликтов исключительно внутренним делом государств. Более того, с окончанием «холодной» войны появилась реальная возможность качественно реагировать на грубые нарушения «законов и обычаев войны», включая

вооруженные конфликты международного и немеждународного характера.

Среди наиболее значимых работ появившихся за последнее время и оказавшее большое значение на признание императивного характера защиты основных прав и свобод человека во время вооруженных конфликтов отметим несколько работ увидевших свет во многом благодаря непосредственному участию Международного Комитета Красного Креста (МККК).

Работа «Обычное международное право», авторы Жан-Мари Хенкерс и Луиза Досвальд-Бек [40], посвящена нормам, регулирующим поведение лиц во время боевых действий, в том числе соблюдение так называемого «ядра» прав человека в условиях, когда эти права часто предаются забвению со стороны противоборствующих сторон с точки зрения их обязательного характера как норм *jus cogens*.

Известный бельгийский профессор Эрик Давид в работе «Принципы права вооруженных конфликтов» [11], раскрывает сущность права вооруженных конфликтов, в том числе их последствия для народов противоборствующих стран и отдельно взятого человека. К числу деликатных проблем, которые очень редко рассматриваются, относятся применение права вооруженных конфликтов и ответственность за его нарушение. А ведь в данном случае непосредственно оказывается отрицательное влияние на так называемое «ядро» прав человека, чье соблюдение, как мы уже указывали, является императивной нормой в начале XXI-го века.

Другой известный немецкий профессор Герхард Верле в работе «Принципы международного уголовного права» [8] поставил перед собой цель – систематическое изложение общих принципов, источников и развития материального международного уголовного права, а также подробный анализ составов отдельных международных преступлений.

Другой значимой работой, авторы которой известный швейцарский профессор и эксперт МККК Марко Сассоли и Антуан Бувье является четырехтомник «Правовая защита во время войны» [37], в котором изложены прецеденты, документы и учебные материалы, относящиеся к современной практике МГП.

«Правовая защита во время войны» – первая книга такого рода в области международного гуманитарного права. В ней собраны более 230 прецедентов, что делает ее наиболее современным и полным из имеющихся трудов по международному гуманитарному праву.

Не осталась в стороне, и Республика Молдова, молдавские исследователи данному вопросу также посвятили свои работы, включая монографии и докторские диссертации.

Авторы А. Барбэнеагрэ и В. Гамурарь в монографии «Crimele de război» [43] рассматривают схожие проблемы, а именно существующие механизмы на международном и национальном уровне по обеспечению основных прав человека в условиях вооруженного конфликта. Отметим, что наряду с классическими вопросами, такими как юридическая природа международного гуманитарного права и международного уголовного права, их принципы и источники и т.д., рассматривается судебная практика международных уголовных трибуналов, национальных судебных инстанций, а также некоторые актуальные проблемы международного права прав человека – применимость иммунитета к лицам, занимающим ответственные должности за совершение международных преступлений, ответственность за военные преступления в качестве обязательства *erga omnes* [43, с.321].

А. Иовицэ в докторской работе «Unele probleme de aplicare a principiului

distincției în dreptul internațional umanitar» [60] указывает на то, что современные конфликты обладают специфическими свойствами, такими как наличие «интернационализованного» фактора во внутренних вооруженных конфликтах, склонности связанные с установлением сторон в вооруженном конфликте в свете роста негосударственных актеров и транснациональных формирований, экономического характера в связи с «приватизацией» военных действий, а также частый ассиметричный характер военных действий.

А. Кауя и Н. Киртоакэ в монографии, изданной на основании докторской работы «Statutul juridic al combatantului în conflictele armate contemporane» [48] рассматривают права и обязанности отдельной категории лиц – комбатантов – в условиях современных вооруженных конфликтов. Авторы отмечают, что в процессе написания работы исходили из необходимости разработки нового подхода к юридическому статусу комбатантов в условиях специфики современных вооруженных конфликтов, а именно «асимметричности» конфликтов, «войны» против терроризма, наличие частного фактора в вооруженных конфликтах, участие военных контингентов под эгидой ООН.

О. Балан в работе доктора хабилитата «Protecția internațională a drepturilor omului în conflictele armate» [42] раскрывает вопросы, связанные с проблемами, связанными с защитой прав человека во время вооруженных конфликтов. При этом автор исследует тему через призму последних тенденций в вопросах связанных с обеспечением основных прав и свобод человека во время вооруженных конфликтов. Так, наряду с классическим подходом рассмотрения вопросов прав человека установленных Международным Комитетом Красного Креста, автор указывает современные тенденции по продвижению необходимых, в том числе и новых, механизмов гарантирующих соблюдение прав человека во время вооруженных конфликтов.

Вопросы международного гуманитарного права непосредственно затрагивают тему исследования. Подтверждением тому есть тот факт, что некоторые авторы, в особенности те, кто не придерживается концепции, разработанной Международным Комитетом Красного Креста, рассматривают данную отрасль как составную часть Международного права прав человека в целом, то есть, оставляя за ней вопросы, связанные с обеспечением прав человека в условиях вооруженных конфликтов. Этот вопрос мы рассматриваем в нашей работе в рамках соответствующей главы.

Влияние международного права прав человека на национальные отрасли конституционного права остается актуальной по многим причинам. Во-первых, необходимость приведение национального права в соответствие с положениями международного права прав человека является обязательством государств, вытекающих из положений статьи 26 Венской конвенции о праве международных договоров, основанном на принципе *pacta sunt servanda*. Во-вторых, такое обязательство обладает императивным характером на основании того, что принцип соблюдения основных прав и свобод человека является императивной нормой международного права, подтвержденной как доктриной международного права, так и международной судебной практикой, в частности Международного Суда ООН, Европейского Суда по Правам Человека, Межамериканского Суда по Правам Человека и т.д. В-третьих, такое обязательство государств считается обязательством *erga omnes*, являющемся частью международного обычного права, что также подтверждено на доктринальном уровне и международной судебной практикой. В последнем случае, помимо указанных судебных инстанций приведем в качестве примера также Нюрнбергский Трибунал и Международные Уголовные Трибуналы для бывшей Югославии и Руанды.

Как видно из рассмотренного выше, тема влияния международного права прав человека на национальные отрасли конституционного права является достаточно слабоизученной. Указанные авторы затрагивали (и то бегло) лишь некоторые аспекты представляемой на защиту темы. Однако, никто из них не проводил комплексного исследования в данной области, охватывающего все особенности и специфику объекта исследования, и используя широкий инструментарий методов сравнительного правоведения.

Данная диссертация представляет собой попытку систематизации имеющегося очень ограниченного круга познаний об объекте исследования, формирование наиболее комплексного и полного исследования указанного объекта и проведение широкого научного исследования выходя за пределы классической доктрины указанной выше как с точки зрения российской правоведческой школы, так и западных авторов, в основном затрагивавших международное право прав человека в отрыве от его научного определения и методологии, основываясь исключительно на его месте в системе источников и принципов международного публичного права. И, конечно же, такого рода исследования рассматривали международное право прав человека в отрыве от конституционного права и не фокусировались на их взаимодействии и взаимовлиянии. Данная диссертация постарается исправить данную ситуацию.

Целью данного диссертационного исследования ставится комплексное исследование влияния международного права прав человека на формирование национальных институтов прав человека в конституционном праве. Из цели исследования вытекают **задачи диссертационной работы**, которые заключаются (1) в изучении и определении совокупности международно-правовых норм, регулирующих права человека, как составляющих комплексную отрасль международного права, (2) в определении органов, ответственных за влияние норм, регулирующих права человека, на национальное право государств, (3) в разработке, обобщении и систематизации важнейших механизмов имплементации и применения норм международного права прав человека, а также (4) в определении уровня влияния международного права прав человека на формирование национальных институтов прав человека в национальных отраслях конституционного права.

Методологической основой исследования послужили общепризнанные мировые ценности, прежде всего связанные с правовым статусом человека, важнейшие международно-правовые документы по правам человека, конституции различных государств, материалы, связанные с имплементацией международных правовых норм в сфере прав человека во внутригосударственные законодательства различных государств и с обеспечением прав и свобод человека в ряде государств, рассматриваемые через призму конституционного права.

В процессе исследования применялись методы сравнительно-правового, системно-исторического, логико-структурного анализов, а также монографический метод, метод наблюдения и др. Для правильного осмысления и отражения в работе всего спектра влияния международного права прав человека на формирование соответствующих национальных отраслей конституционного права, использовался принцип единства анализа и синтеза, представляющих собой две стороны процесса познания. В процессе исследования использовалась формула «коэффициент сравнения», предложенная Ю.А. Тихомировым.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что представленная работа является первым монографическим исследованием системных вопросов влияния международного права прав человека, в качестве самостоятельной комплексной отрасли международного права, на формирование

национальных отраслей конституционного права, с учетом национальных институтов права прав человека. Данное исследование позволяет критически обобщить систему имплементации и применения прав человека в международном масштабе, особо выделив как международные, так и региональные системы и механизмы, связывая их с соответствующими положениями правоприменения в национальных отраслях конституционного права.

Впервые в научной литературе, опираясь на международно-правовые документы и практику, осуществляется сравнительный анализ международного права прав человека и соответствующих национальных отраслей конституционного права. На его основе представляются научно обоснованные замечания по существующей практике и даются конкретные предложения по ее совершенствованию, опираясь на широкую практику международных судов (Case Law), что, по сути, является решением **основной научной проблемы**.

Теоретическая значимость. Данное научное исследование позволяет глубже проникнуть в процесс развития международного права прав человека и в тоже время, позволяет приобрести необходимую информацию для более глубокого понимания специфики соответствующих национальных отраслей конституционного права. Полученные результаты исследования составляют базу новых теоретических разработок, основанных на сравнительно-правовом анализе определенных отраслей конституционного и международного права, и могут служить для реализации дальнейших исследований в данной области.

Практическая значимость. Практические предложения, содержащиеся в исследовании, могут быть использованы как во внутригосударственной правотворческой деятельности, так и в международном правотворчестве, при подготовке международных документов, совершенствовании международной практики правотворческой и правозащитной деятельности. Использование положений данного исследования позволит государственным структурам более эффективно работать в международных и региональных системах, участниками либо наблюдателями в которых является то или иное государство. Соответственно, на уровне национального правотворчества, более четкое понимание природы норм в области прав человека, приведет к развитию и улучшению практики реформирования конституционных положений, касающихся прав человека, а соответственно, к более эффективному конституционному регулированию данного института права.

Материалы исследования могут быть использованы при разработке соответствующих учебных курсов в университетах и в процессе преподавания курсов «Конституционное право», «Международное право», «Права человека», «Международное право прав человека». Они могут быть использованы учеными-юристами в дальнейшей исследовательской деятельности.

Научные результаты, выдвигаемые на защиту:

1. Определяется понятие и формулируется определение «международного права прав человека», как комплексной отрасли международного права, характеризующегося наличием близкой взаимосвязи с национальными отраслями конституционного права.
2. Рассматриваются основные этапы становления института прав человека, в том числе национальном и международном уровнях. Особая роль при этом отводится ООН, в рамках которой нормы и принципы, регулирующие права человека приобрели универсальный характер.
3. Раскрываются основные источники и принципы международного права прав человека, и анализируется их близость к соответствующим национальным

отраслям конституционного права в историческом аспекте участия государств в международном нормотворчестве.

4. Анализируется конституционное развитие трех постсоветских государств (Республики Молдова, Азербайджанской Республики и Грузии) в историческом разрезе, в качестве примера процессов параллельных развитию международного права прав человека.
5. Раскрывается и анализируется взаимосвязь институтов международного права прав человека и соответствующих институтов конституционного права. Проводится сравнительный анализ изначальных и производных норм в процессе развития данных институтов в отраслях международного и конституционного права.
6. Определяются все уровни взаимосвязи и соприкосновения международного права прав человека и конституционного права, в процессе исторического развития и формирования каждой из отраслей на примере таких государств, как США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Индия, Япония, Россия, Республика Молдова и Азербайджанская Республика.
7. Исследуется уровень влияния на институт прав человека, включая его кодификацию, со стороны различных международных судебных инстанций – Международный Суд, Международный Уголовный Суд, Европейский Суд по Правам Человека, а также международными организациями, таких, например, как ООН, Совет Европы и т.д.

Апробация исследования. Результаты исследования нашли свое отражение в научных публикациях (монографиях, статьях), представлены на научно-практических конференциях и семинарах, в том числе на презентации монографии соискателя «Влияние международного права прав человека на национальные отрасли конституционного права» [16], состоявшейся в Научно-исследовательском институте по правам человека Национальной Академии наук Азербайджана в январе 2013 года. Апробация результатов имела место в процессе практической деятельности диссертанта в качестве консультанта Конституционного Суда Азербайджанской Республики, а также ведущего научного сотрудника Центра стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики.

Научно-практические конференции и семинары:

1. Вопросы применения международного права в Нагорно-Карабахском конфликте. – Доклад на научно-практической конференции «Территориальные конфликты на постсоветском пространстве» в Тбилисском Государственном Университете им. Ив. Джавахишвили. – Тбилиси, Грузия, 2008, 25 февраля.
2. International Criminal Law and Conflict Settlement. – In the International Conferens «Basic Principles for the Settlement of the Conflicts on the Territories of the GUAM States» (GUAM). – Baku, Azerbaijan, 2008, 15-16 April.
3. Каспийское «море» и его международно-правовой статус. – Доклад на международной конференции «Парадигмы международного сотрудничества на Каспии» (Организаторы: Институт социально-политических исследований, Информационное агентство «ИнфоРос» и Общественный фонд Александра Князева). – Актау, Казахстан, 2011, 16 сентября.
4. Институт прав человека в конституционном праве Азербайджанской Республики. Доклад. – Səmərəli Dövlət İdarəçiliyi: Zamanın Çağırışları. Veynəlxalq konfrans. – Bakı, Azərbaycan, 2011, 05-06 Dekabr.
5. Интеграционные процессы на пространстве СНГ. – Доклад на международной конференции «Россия и ее соседи: политика, экономика, безопасность и

- гуманитарное взаимодействие – повестка дня для равноправного сотрудничества». – Москва, Российская Федерация, 2011, 16-20 сентября.
6. Israel-Azerbaijan: common history, common tragedies..., "The Israel-Azerbaijan Strategic Alliance. Marking twenty years since the Khojaly Massacre". – Netanya (Netanya Academic Colledge), Israil, 2012, 27 february, <http://www.makili-aliev.com/2012/03/israel-azerbaijan-common-history-common.html>.
 7. Human Rights Friendly Public Administration, "3rd OIC Countries Think Tanks Forum". – Bakı, Azərbaycan, 2012, 2-3 mart, <http://www.makili-aliev.com/2012/03/human-rights-friendly-public.html>.
 8. Значение правового статуса Каспийского моря для региональной безопасности. – Доклад на международной конференции "Роль черноморско-каспийского региона для европейской и глобальной энергетической безопасности". – Киев, Украина, 2012, 30 мая.
 9. Некоторые аспекты провала международного права в Нагорно-Карабахском конфликте. – Доклад на международной конференции "Армяно-азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт и конфликт в Приднестровье: современное состояние и перспективы урегулирования". – Кишинэу, Молдова, 2012, 1 июня.
 10. Mecanisme naționalionale și internaționale de protecție a drepturilor omului (Materiale ale mesei rotunde cu participare internațională consacrată aniversării a 65-a de la adoptarea Declarației Universale a Drepturilor Omului. - Chișinău, Moldova, 11 decembrie 2013).
 11. Правовые реформы в постсоветских странах: достижения и проблемы. Международная научно-практическая конференция. Ин-т юридических и политических исследований АН Молдовы, Славянский Университет, Институт уголовного права и прикладной криминологии (Кишинэу, Молдова, 28-29 марта 2014 года).

Публикации автора по теме: Всего автором опубликовано 70 научные статьи.

Ключевые слова: конституционное право, международное право прав человека, сравнительное правоведение, права человека, институты, имплементация норм, нормотворчество, законодательство, конституция, принципы международного права.

Структура и содержание работы обусловлена целью, задачами и методологией исследования. Исследование состоит в сумме из восьми разделов (введения, пяти глав, заключения и библиографии). Каждая глава содержит параграфы с заключительными положениями, содержащими, в том числе, и выводы по главам. *Введение* раскрывает актуальность, определяет степень научной разработки темы, цель исследования, раскрывает теоретическую и практическую значимость работы. Глава 1 – посвящена анализу результатов исследований в области международного права прав человека и его влияния на национальные отрасли конституционного права. Глава 2 раскрывает вопрос относительно процесса становления и имплементации международного права прав человека в рамках международного права и его влияние на конституционное право государств, в том числе вопросы имплементации, инкорпорации и прямого применения в качестве обязательств *erga omnes*, что определяет верховенство соответствующих положений над конституционными нормами государств. Дается характеристика юридической природы международного права прав человека, в том числе раскрываются источники, принципы и их толкование в рамках международного права и конституционного права государств. Глава 3 посвящена становлению основных

институтов конституционного права в Молдове, Азербайджане и Грузии. Проводится сравнительно-правовой анализ исторического развития правовых институтов данных государств, в том числе через призму влияния на них института прав человека. Глава 4 проводит анализ относительно взаимного влияния соприкосновения международного права прав человека и конституционного права государств. При этом в целях установления этапов и уровня данного взаимовлияния и соприкосновения проводится классификация государств в зависимости от соответствующего уровня. Глава 5 раскрывает отражение институтов международного права прав человека как отрасли международного публичного права в конституционном праве государств. Для этого не просто проводится исследование основных международно-правовых актов, регулирующих права и свободы человека, в том числе отдельно взятых категорий лиц, а делается анализ практики государств, международных организаций и что особенно важно – практики международных судебных инстанций, оказавших и оказывающих существенное влияние на признание за «ядром» прав и свобод человека императивного характера и универсального толкования.

2. Международное право прав человека: процесс становления и признания его как обязательства *erga omnes* в международном праве и конституционном праве государств.

2.1. Юридическая природа международного права прав человека. Международное право прав человека – это комплексная отрасль международного права, регулирующая отношения между индивидами, государствами и международными организациями, возникающими в процессе осуществления и применения прав человека, в целях обеспечения мира и уважения к правам человека.

В современной доктрине данная отрасль международного права еще ни разу не определялась. В основном права человека представлялись либо в качестве отдельной науки, либо в качестве учебной дисциплины. Большинство ученых юридической науки, рассматривало отдельные концепции прав человека вне международно-правовой оболочки, а скорее применительно к их национальному, государственному праву, предоставляя другим исследователям философско-правовой анализ прав человека как правовой категории [33]. При этом некоторые ученые заявляют, что когда возникла необходимость в создании универсальных международно-правовых стандартов прав человека, данные права были отражены в ряде важнейших международно-правовых актов, установивших общечеловеческие стандарты прав и интересов личности, определивших ту планку, ниже которой государство не может опускаться [33]. Но в то же время, никто не пошел дальше и не отметил, что нормы, содержащиеся в данных международно-правовых актах, в сумме с нормами международного обычного и других отраслей международного права, составляют комплексную отрасль.

Таким образом, никто из ученых не рассматривал права человека в качестве отрасли права как таковой, хотя для этого существовали и существуют все предпосылки. В этом отношении стоит упомянуть о западной доктрине о правах человека, где в трудах авторов иногда появлялось понятие «международного права прав человека» (*international human rights law*), но, к сожалению, оно так и не было определено [53].

Указанное выше понятие является первой попыткой научного определения международного права прав человека в качестве отрасли международного права. Оно основывается на общих научных знаниях о данной комплексной отрасли международного права, а также на анализе общей теории права, теории международного права и философии права.

В процессе применения и реализации прав человека государства, индивиды и международные организации вступают друг с другом в отношения по поводу прав человека. Международно-правовые отношения в области прав человека – это взаимодействие субъектов международного права прав человека, направленное на удовлетворение их потребностей и обеспечение их интересов. Именно эти отношения и являются объектом правового регулирования данной отрасли права. Таким образом, объект международного права прав человека – это отношения, возникающие в результате применения и реализации государствами, индивидами и международными организациями прав человека.

Для регулирования указанных отношений международное право прав человека использует систему норм, которая включает в себя как нормы лишь данной отрасли международного права, так и других его отраслей. Особенности данной системы является то, что она дополняется и развивается как в процессе международного правотворчества государств, так и за счет юриспруденции международных организаций.

Совокупность таких норм близких по объекту и характеру международно-правового регулирования образует институт международного права прав человека. К числу таких институтов относятся:

- Институт гражданских и политических прав [18]
- Институт экономических социальных и культурных прав [25]
- Институт международного гуманитарного права [20]
- Институт прав беженцев [21]
- Институт прав меньшинств и коренных народов [22]
- Институт групповых прав (женщин и детей) [19]
- Институт прав человека в бизнесе.

Все данные международно-правовые институты являются одновременно структурными элементами системы международного права прав человека. Невозможно говорить о данной системе как о завершенной конструкции. С развитием международного права прав человека, подобная система институтов может дополняться и изменяться (как уже отмечалось, данная международно-правовая отрасль очень гибка и все еще активно развивается).

Необходимость международного сотрудничества и глобальные проблемы современности требуют пристального внимания к правовому регулированию ситуаций с правами человека, как в отдельных государствах, так и в мире в целом. В этом отношении роль международного права прав человека, в качестве отдельного объекта научного исследования многократно возрастает, именно в виду того, что данная отрасль международного права является ключевой в понятии регулирования отношений в области прав человека, как на уровне государства, так и на международном уровне.

Международное право прав человека стремится охватить все аспекты, связанные с регулированием прав человека в международном сообществе. Между тем, данная комплексная отрасль права постоянно обогащается новыми тенденциями в сфере прав человека, как на международном, так и на национальном уровнях. Именно, такая гибкость и способность выступать в качестве кодификатора норм права прав человека, с последующим приведением таких норм к общему знаменателю, а затем и приданием им статуса универсальности, и придают данной отрасли международного права, особое значение в сфере юридической науки.

Международное право прав человека многоаспектно: 1) данная отрасль права затрагивает общетеоретические представления о правах человека и их роли в международном праве; 2) данная отрасль права рассматривает проблемы прав

человека не только в общенаучном смысле, но и на уровне различных отраслей как международного, так и национального права; 3) рассмотрение указанных проблем имеет как сугубо-юридическое, так и социально-политическое значение, что связано с доминированием политической воли государств в международном праве и гуманитарной природой и антропоцентризмом международного права прав человека.

Именно антропоцентризм международного права прав человека является философской основой данной отрасли международного права. Забота о человеке как индивиде, а также о благосостоянии групп индивидов и общества в целом, путем регулирования отношений, связанных с правами человека, является камнем преткновения данной отрасли права. Таким образом, трудно переоценить значение этой отрасли права, как для каждого индивида в отдельности, так и для всего международного сообщества в целом. В таком ракурсе несложно вновь заметить схожесть с конституционным правом. Как и международное право прав человека, конституционное право построено вокруг человеческого фактора. Отношения с государством и функционирование тандема человек-власть во многом пересекаются с международными нормами, отвечающими за благосостояние индивидов.

При этом значение международного права прав человека, неминуемо обуславливается теми целями, которые ставит перед собой данная отрасль права. Именно потому, что данная отрасль многоаспектна и многогранна, ее цели очень широки по своему охвату и содержанию. Данные цели представляют собой идеологическое содержание международного права прав человека, выраженное в необходимости его применения в материальном плане. Очень трудно составить полный список всех целей данной отрасли международного права, так как на это понадобился бы объем отдельного научного труда, но при этом можно выделить основные цели международного права прав человека, которые и будут перечислены далее.

Установление универсального (всеобщего) применения и уважения прав человека. Данная цель лежит в основании всей отрасли международного права прав человека. Основные источники данной отрасли права устанавливают права человека в качестве всеобщих и неотъемлемых прав. *De facto* же всеобщее применение и уважение прав человека есть цель, которую еще только предстоит достигнуть. На современной стадии развития международного сообщества достижение данной цели еще очень далеко, но прогресс, достигнутый в продвижении к данной цели за последние шестьдесят лет, трудно переоценить. Все большее принятие государствами норм международного права прав человека, и инкорпорация данных норм в свои национальные законодательства, а также постоянно растущий уровень их применения во многих странах мира, все это показатели продвижения международного права прав человека к одной из своих основных целей.

Достижение наиболее эффективного регулирования отношений в сфере прав человека. Международное право прав человека постоянно развивается, а значит, развивается и его механизм регулирования отношений. С развитием общества и изменением структуры и концепции отношений в сфере прав человека, международное право прав человека, с учетом предыдущего опыта, постоянно адаптируется к новейшим изменениям в международном сообществе, дабы наиболее эффективно регулировать указанные отношения. Данный процесс идет постоянно и фактически международное право прав человека всегда стремится к данной цели.

Разработка и применение наиболее эффективного всеобщего механизма защиты прав человека. Это еще одна из наиболее важных целей международного права прав человека. Права человека в условиях современного мира, к сожалению, постоянно подвергаются нарушениям. Для обеспечения уважения и применения

прав человека необходимо создание наиболее эффективного всеобщего механизма их защиты. На пути к достижению данной цели был создан ряд международных средств правовой защиты, как практически универсальных, так и региональных. При этом вопрос их эффективности все еще остается открытым в мировом сообществе. С развитием международного права прав человека неминуемо идет формирование все более эффективных средств правовой защиты в сфере прав человека, что со временем приведет к формированию единого универсального механизма, основанного на достижениях современного международного права прав человека.

Постоянное развитие доктрины прав человека. Для приближения к указанным выше целям совершенно необходима реализация шагов для достижения постоянного развития доктрины прав человека. Без необходимых научных основ познания прав человека, без разработки новейших концепций в данной области, без анализа и выборочного применения таких новейших концепций, без проведения теоретических и практических исследований в области прав человека, невозможно ни развитие международного права прав человека, ни достижение какой-либо из его целей. Именно поэтому международное право прав человека всегда стремится к развитию правовой доктрины в области науки прав человека. Действительно, ведь до определенного момента «права человека» были всего лишь теорией, когда на сегодняшний день они занимают очень высокое место в списке тем, которые являются главными для современного международного сообщества.

2.2. Становление и признание основных прав и свобод человека как части международного права. Права человека корнями уходят вглубь истории человечества, хотя понятие «права человека» как таковое сформировалось примерно шестьдесят лет назад в ходе международных дискуссий, предшествующих созданию Организации Объединенных Наций. С 1945 года была четко выработана сфера прав человека, а их концепция в настоящее время насквозь пропитывает материю международного сообщества. Истоки международного права прав человека лежат в философских дискуссиях, которые эволюционировали веками. Действительно, ведь права человека представляют собой современное (а также более широкое и развитое) понимание традиционной концепции верховенства права и закона. В этой части работы не приводится детальное описание подобной эволюции философских концепций, так как это лежит за пределами фокуса данного исследования. Однако в данной части работы международное право прав человека рассматривается в историческом контексте с выделением развития прав человека в различных временных периодах. В истории развития прав человека и формировании международного права прав человека можно выделить два основных периода: период, предшествующий созданию Организации Объединенных Наций и период функционирования и развития Организации Объединенных Наций.

Включение ссылок на права человека в Устав ООН было радикальным для своего времени. Данный акт сам по себе олицетворял признание роли международного права в защите прав индивидов и эффективно отмечал начало конца эксклюзивности государственной юрисдикции в отношении своих граждан. В послевоенном периоде в Европе, навязывание государствам позитивных обязательств по защите прав человека было немислимым, в то время как навязывание конституционных гарантий «побежденным» государствам, с другой стороны, рассматривалось как создание твердого фундамента для национального права (если не принимать во внимание международные соглашения), и потому как абсолютно приемлемое.

Источники международного права прав человека, по своей сути являются теми же, что и у любой другой отрасли международного права. Это международные

договора, международные обычаи, общие принципы права, а также решения международных судебных органов и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву. При этом следует отметить близость данных источников к источникам конституционного права, таким как правовой обычай, прецедентное право и судебная практика, правовая доктрина, нормативный договор и нормативный акт [55, 24]. В этой секции данного диссертационного исследования речь идет о конкретных источниках международного права прав человека. В фокусе исследования будут Международный Билль о Правах Человека, а также другие основные международные договоры и соглашения в области права прав человека. Все эти международные документы составляют базис международного права прав человека.

Со дня своего учреждения ООН старалась обеспечить развитие и защиту прав человека по всему миру. Первым и возможно одним из самых важных шагов, сделанных ООН в сторону исполнения, взятой на себя обязанности по развитию прав и основных свобод человека, стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, Всеобщей декларации прав человека.

Международный Билль о Правах Человека состоит из Всеобщей декларации прав человека, Международного Пакта «О гражданских и политических правах» и двух Дополнительных протоколов к нему и Международного Пакта «Об экономических, социальных и культурных правах».

Данная категория включают в себя 1) *источники, обеспечивающие защиту групп риска*: в то время как оформление всеобщих прав было основным достижением Организации Объединенных Наций, система обеспечения реализации данных прав все еще нестабильна и несовершенна. Многие люди остаются уязвимыми для эксплуатации и плохого обращения с ними. Нарушения прав человека не находят ответа из-за каких-либо правовых недочетов или просто из-за недостатка доступа к юридической помощи, защите и ресурсам. Создание различных документов в сфере прав человека, ставящее своей целью развитие защиты прав групп риска, можно отметить на всем пути деятельности ООН, что усиливает универсальность прав человека. В разделе приводится суммированный список таких документов, с кратким их описанием. Более подробное их рассмотрение будет представлено далее в диссертационном исследовании, когда речь пойдет о правах коренных народов, женщин, детей и беженцев, в отдельных институтах международного права прав человека; 2) *источники международного права прав человека, устанавливающие запрет на рабство, пытки, несвободный труд и трафикинг*: помимо международных соглашений, устанавливающих основные нормы международного права прав человека (Международный Билль о Правах Человека) и международных договоров, регулирующих права групп риска, ООН также приняла документы по определенным фундаментальным правам. Философия ООН основывается на уважении к человеческому достоинству: древняя практика рабства, современные формы несвободного труда и трафикинг людей, а также использование техники пыток – это все оскорбления человеческого достоинства. Даже сейчас ведется большая работа по ликвидации подобных практик в мире в условиях нового мирового порядка. Это создало бы среду, соответствующую культуре уважения прав и основных свобод человека; 3) *региональные (второстепенные) и иные источники международного права прав человека*: ООН приняла множество других деклараций и документов, которые являются источниками международного права прав человека. Некоторые развивают права и свободы, другие охватывают специфические правонарушения, иногда призывая государства защищать специфические категории прав. Часто ООН принимает

декларации, в преддверии принятия детального документа обязательного к применению – такая практика была видна, *inter alia*, при оформлении прав детей, Международного Билля о Правах Человека, расовой дискриминации и дискриминации в отношении женщин. Другие области права остаются субъектами деклараций, которые еще не прошли метаморфоз в обязательные к исполнению конвенции.

2.3. Принципы международного права прав человека в свете их влияния на конституционное право. Практически каждый основной международно-правовой источник права прав человека содержит положения о запрете на дискриминацию: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (статья 2 Всеобщей декларации прав человека; см. также, ст. 2(1) Международного Пакта «О гражданских и политических правах»; ст. 2(2) Международного Пакта «Об экономических, социальных и культурных правах»; ст. 14 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод»; ст. 1 Американской Конвенции «О Правах Человека»; ст. 2 Африканской Хартии Прав Человека и Народов; ст. 20(2) Конвенции Содружества Независимых Государств «О правах и основных свободах человека»; ст. 3 Арабской Хартии Прав Человека).

Принимая во внимание то, что всеобщность прав человека, как таковая, основывается на том, что все люди рождаются «свободными и равными в своем достоинстве и правах», запрет на дискриминацию в использовании данных прав есть необходимая аксиома [17, с.11]. В то время как некоторые документы охватывают общий запрет на дискриминацию, другие устанавливают запрет на дискриминацию до такой степени, при которой возможно обеспечение равного использования прав и свобод. Данная часть диссертационного исследования концентрируется на основных признаках для дискриминации, общих для различных документов – поле, расе, религии и до определенной степени, языке. Обзор расширения запрета на дискриминацию по другим признакам, также входит в фокус данной части исследования. Как будет рассмотрено далее, между концепциями равенства и запретом на дискриминацию существует видимая связь. В действительности запрет на дискриминацию есть, в общем смысле, негативная формулировка принципа равенства [63, с.82].

Концепция равенства уходит корнями в философские дискуссии, детальный анализ которых выходит за пределы фокуса данного исследования, так как не является правовым. Однако, международное право уже давно занимается устранением неравенств – например, право иностранцев запрещает государствам обращаться с ними хуже, чем с гражданами данного государства. Равенство – это камень преткновения всех демократических государств: равенство всех перед законом, равенство возможностей, равный доступ к образованию, и т. д. Права на образование, труд, справедливое судебное разбирательство – есть результаты развития данной концепции. В сравнении, дискриминация фокусируется на негативных аспектах данной области, т.е. на неравенстве возможностей, неравенстве обращения. В консультативном заключении Постоянной Палаты Международного Правосудия по школам меньшинств в Албании говорится, что: «Равенство между членами большинства и меньшинства должно быть эффективным и подлинным» [47].

Когда дело касается равенства и дискриминации, действует обычное правило: ситуация является дискриминирующей или неравной, если подобные ситуации разрешаются иначе, или иные ситуации разрешаются подобным образом. В отличие от других аспектов прав человека, применение равенства *de jure*, совершенно необязательно повлечет применение равенства *de facto*. Если два человека в начальной точке находятся в несравнимых, разных условиях, то одинаковое обращение с ними повлечет лишь сохранение подобной ситуации и акцентирует различия. Поэтому, реализация равенства *de facto* часто зависит от компенсирующих действий (позитивной дискриминации), которые представляют собой разрешенную дискриминацию в пользу лиц или групп лиц, находящихся в более ущемленном положении. Примеры такой практики могут быть видны из опыта некоторых Скандинавских государств в отношении их политики приема на работу женского населения или из предыдущей схемы доступа к высшему образованию, применяемой в Австралии, которая способствовала получению высшего образования, ранее плохо представленным, коренным народам этого государства. Специальный Докладчик ООН Марк Босуйт завершил свой отчет по концепции и практике компенсирующих действий в 2002 году, указывая сложность данного понятия и отсутствия на данный момент общего понимания его границ [79]. Комитет по правам человека подтвердил, что политика компенсирующих действий соответствует международному праву прав человека [70].

Хотя концепции равенства и дискриминации и отличаются друг от друга, детальное рассмотрение международных документов показывает, что цель установления равенства достигается, в первую очередь, при помощи запрета на дискриминацию.

Дискриминация по различным признакам находится под запретом со стороны большого количества международных документов. Исследование различных международно-правовых положений, принятых за многие годы, рассказывает многое о развитии международного сообщества. Устав ООН, с его прогрессивной целью равенства, отмечает только расовый, половой, языковой и религиозный признаки дискриминации (статьи 1 и 55) [34]. Для сравнения обратимся к более поздним международным документам, охватывающим запрет на дискриминацию, принятым под эгидой Европейского Сообщества. В соответствии с ними, дискриминация запрещается на основе пола, расовой или этнической принадлежности, религии и убеждений, инвалидности, возрасту и сексуальной ориентации (ст. 13 Консолидированной версии Договора о Европейском союзе и Договора, учреждающего Европейское сообщество, исправленных и дополненных в соответствии с Единым европейским актом, Маастрихтским договором, Амстердамским договором и некоторыми другими актами. Данное положение добавлено в соответствии с Амстердамским договором в 1997 году) [13]. Хартия Основных Прав Европейского Союза, которая была принята позднее, содержит одно из самых полномасштабных положений о запрете на дискриминацию. Статья 21 Хартии запрещает «дискриминацию любого рода, в частности, по признаку пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических характеристик, языка, религии или убеждений, политических и иных взглядов, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного положения, происхождения, ограниченной трудоспособности, возраста или сексуальной ориентации» [39].

По определению всеобщие права человека должны применяться ко всем без исключения. Говоря словами Венской Декларации и Программы Действий, «уважение прав человека и основных свобод, без какого бы то ни было различия,

является основополагающей нормой международного права прав человека» [6]. Учитывая то, что Всеобщая декларация прав человека была принята в 40-е года XX века, фразеология данного документа удивительна – был использован язык без указания на пол, несмотря на ранние, не принятые версии Декларации, где использовались фразы: «все люди – братья». Несмотря на это, ООН, в целях установления всеобщности прав человека, постоянно воспроизводит такие права в документах, посвященных специфическим группам людей. Например, дети хоть и являются людьми, но получают дополнительную защиту, предоставляемую Конвенцией ООН «О правах ребенка». Действительно, дети особенно уязвимы в виду их возраста и их зависимости от взрослых в период формирования личности. Дети обладают более ограниченными правами по сравнению со взрослыми во всех государствах-членах ООН. Эта и другие подобные группы будут рассмотрены более подробно далее в этой работе, когда речь пойдет об институтах международного права прав человека.

Запрет на дискриминацию, как концепция, устанавливается только при применении определенных правовых и политических схем. Необходимость равенства и отсутствие дискриминации в реальности, а также в праве, впервые поощрялось Постоянной Палатой Международного Правосудия (*Advisory Opinion on Minority Schools in Albania*) [47]. Сегодня, дискриминация используется как «уничжительная сущность несправедливого, нерезонного, не имеющего оправдания и произвольного различия», которая присуща «любому деянию, которое лишает индивидов равенства обращения с ними, по сравнению с другими индивидами, из-за того, что они принадлежат к определенным группам в обществе» [66, с.10].

Равенство между мужчинами и женщинами, является одним из основных столпов Организации Объединенных Наций – в Преамбуле Устава ООН народы Объединенных Наций вновь утверждают веру в «равноправие мужчин и женщин» [34]. Большой прогресс в этой области был достигнут за годы существования ООН. Например, женщинам предоставлялись политические права с 1945 года, в то время как до этого, такие права были скорее исключением, нежели правилом. Второстепенное положение женщин во многих культурах, долго было поводом для беспокойства международного сообщества. Статистика ООН показывает, что женщины составляют мировое большинство бедных и безграмотных, они зарабатывают намного меньше денег, чем мужчины, и часто работают задаром. Здравоохранение – это еще одна забота ООН, так как здоровье женщин всегда влияет на здоровье их потомства. Большое количество международных инициатив ставят своей целью устранение такого неравенства, при помощи проектов, которые служат для предоставления образования для молодого женского населения и поддержания у них самодостаточности. Продвижение женского финансового менеджмента популярно в промышленных секторах Индии, тогда как образование в области здравоохранения, включая репродуктивное здравоохранение, задействовано во многих странах Африки.

Спорным моментом является мнение некоторых ученых, что международное право внесло свой вклад в развитие дискриминации, из-за своего раннего протекционистского подхода. Международная Организация Труда, например, учитывая то, что она признала, что женщинам требуется специальная защита, дискриминировала женщин тем, что изначально защищала их права, как матерей, в ущерб их равному праву на труд. Однако, даже больше чем любые другие аспекты дискриминации, развитие в данной области блокировали, практически непреодолимые культурные барьеры, мешавшие устранению дискриминации по

половому признаку. Женщины рассматривались как группа риска. В 1993 году Венская Декларация и Программа Действий пояснила, что: «права женщин и девочек являются неделимой, неотъемлемой и неотчуждаемой частью всеобщих прав человека» [6]. Это было кульминацией прогресса от протекционной дискриминации (несмотря на лучшие побуждения) к признанию полного равенства в правах.

Все люди заслуживают и обладают правом требования равного обращения со стороны других людей, населяющих государство их проживания. Такое равенство, как уже было отмечено, зависит от ликвидации всех форм дискриминации. Расовая дискриминация считается особенно острой, так как индивиды дискриминируются на основании лишь цвета их кожи или этнического происхождения; факторов, которые естественно не находятся под контролем таких индивидов [71, с.14]. В этом смысле, расовая дискриминация сопоставима с дискриминацией по половому признаку.

Жестокости, совершенные во время второй мировой войны, усилили общественную озабоченность проблемами расизма и катастрофическими последствиями свободного действия расизма в мире. Зачастую люди подвергаются дискриминации лишь на основании их расового происхождения, самой экстремальной формой которой стал апартеид. Данная часть работы рассматривает международный ответ на существующую угрозу и практику расовой дискриминации по всему миру, а также международные документы по борьбе с такой дискриминацией. Ликвидация всех аспектов расовой дискриминации, давно уже является частью работы ООН. В 2001 году международное сообщество провело Конференцию в Южной Африке, в Дурбане. Запрет на расовую дискриминацию закреплен в международном праве прав человека, и уже считается в научной среде частью *jus cogens* [63, с.24].

Религиозная дискриминация и нетерпимость являются одними из древнейших причин международных конфликтов и, как хорошо показывает Израильско-Палестинский конфликт, остаются причиной таких конфликтов, и по сей день. Религия являлась существенным предметом обсуждений с ранней истории развития прав человека, при этом мир зачастую становился свидетелем многих международных диспутов и войн, возникших из-за идеологических различий между государствами. Часто религиозные и идеологические проблемы, возникавшие между основными группами в государствах, становились причинами гражданских войн и угроз международному миру и безопасности. Хорошим примером могут служить Балканы.

Религия является более проблематичным признаком в праве о запрете на дискриминацию. Во время создания Всеобщей декларации прав человека не был учтен тот факт, что большинство государств мира на тот момент имело свои государственные религии и управлялось религиозными, а не светскими законами. Потому в практике государств встречается большое количество аномалий. Каирская декларация «О правах человека в исламе» от 1990 года, принятая Исламскими государствами постоянно ссылается на законы Шариата [12], а значит, на верховенство статуса мужчин, как в публичном, так и в частном праве. С другой стороны, в контраст данной конвенции Арабская хартия прав человека от 1994 года [3], является нейтральной в отношении пола и ограничивает ссылки на Исламский Шариат в параграфах преамбулы. Существующая система прав человека, таким образом, часто обвинялась в односторонности, или так называемой «западной» односторонности, хотя, как показывает юриспруденция, это не всегда правдиво. Настолько, насколько это возможно международное право прав человека должно быть надрелигиозно. Например, в деле *Hoffman v. Austria* Европейский суд по правам

человека заключил, что Австрия нарушила Европейскую Конвенцию отказом присвоения родительских прав матери, лишь на основании того, что она является Свидетелем Иеговы [57].

Язык является еще одним признаком для дискриминации, упомянутым во Всеобщей декларации прав человека. Однако, его определение является намного более слабым по сравнению с расовым, половым и религиозным признаками. Лингвистические права не привлекли столько внимания международного сообщества. Также следует учитывать возможные пересечения дорог с другими признаками для дискриминации. Например, лицо, говорящее на другом языке, чем большинство населения государства, может еще быть и другого расового происхождения или вероисповедания. Из-за этого процесс вычисления признака для дискриминации может стать очень сложным. Многие национальные законодательства включают в себя намного больше материальных норм в отношении дискриминации расы и пола, нежели в отношении лингвистической дискриминации. Для этого существует множество причин, и не в последнюю очередь тот факт, что считается вполне допустимым для государства иметь один официальный язык и, таким образом, по определению, дискриминировать все другие. Однако в постоянно растущем плюралистическом глобальном сообществе сейчас очень мало (если вообще они остались) моно-лингвистических государств; из чего следует, что лингвистическая дискриминация является реальностью для тысяч различных языков, используемых по всему миру. В принципе данная ситуация, наверное, и сбросила скорость, с которой международное сообщество занимается данной проблемой. Несмотря на все это, лингвистическая дискриминация может внушать столько же беспокойства, сколько и любая другая дискриминация по перечисленным ранее признакам. Язык лежит в основе образования, а значит, лингвистическая дискриминация может ограничить доступ к образованию языковых меньшинств в государствах [44].

Многие международные документы перечисляют другие признаки дискриминации, а некоторые даже включают определенные признаки дискриминации «какого-либо другого вида» («иного обстоятельства»), в свои списки, не являющиеся при этом исчерпывающими. Изобилие других признаков дискриминации возымело мало эффекта за время их появления, и еще меньше возникло прецедентов с ними, разбираемых соответствующими органами международного правоприменения, по сравнению с прецедентами, касающимися пола, расы и религии.

В доктрине международного права прав человека принцип subsidiarity обычно рассматривается как процедурный принцип, устанавливающий условия, при которых до того, как дело поступит в соответствующий международный суд, внутригосударственные средства правовой защиты должны быть исчерпаны [57, с.65]. При этом следует отметить, что данный принцип играет роль и в материальных правах и рассматривать принцип subsidiarity нужно и в сочетании с материальной интерпретацией международно-признанных прав человека. Данный подход отличается от традиционного подхода ограничивающего себя процедурной стороной вопроса.

Одним из принципов оказывающим существенное влияние на институт прав человека является принцип subsidiarity. Отметим, что данный принцип хорошо известен праву Европейского Союза, где получил широкое признание и распространение, без которого сегодняшнее европейское право практически немислимо. Это, в свою очередь, дает основание говорить о его значимости в рамках нашего исследования, поскольку и Республика Молдова, и Азербайджанская

Республика, и Грузия определили в качестве своих приоритетов европейскую интеграцию. В свою очередь, процесс европейской интеграции предусматривает унификацию правовых систем, в том числе конституционного права в соответствии с европейскими стандартами.

Таким образом, по нашему мнению, принцип subsidiarity наряду с другими традиционными принципами, регулирующими институт прав человека, является одним из инструментов, позволяющих говорить о влиянии международного права на конституционное право государств.

2.4. Методы мониторинга, имплементации и применения международного права прав человека на международном уровне и конституционном уровне государств. Данное исследование, продолжая рассмотрение международного права прав человека, концентрируется на анализе структуры мониторинговых/имплементационных механизмов. Цитируя Генерального Секретаря ООН, мы обратим внимание, что «повышение спроса на деятельность по программе Организации Объединенных Наций в области прав человека и необходимость в осуществлении функций, которые ранее в ее рамках не выполнялись, вскрыли ряд недостатков, обусловивших снижение ее эффективности в период возрастания спроса» [78]. Эта часть работы начинается с обзора существующих методов имплементации, а далее рассматривает проблематику, вытекающую из таких методов. Поочередно рассматриваются система отчетов, положения о межгосударственных жалобах и механизмы получения индивидуальных жалоб. Также мы остановимся и на других методах имплементации международного права прав человека. Для расширения данного обобщения и применения соответствующего сравнительного анализа, в этой части работы будет рассмотрена не только система ООН, но и определенные системы некоторых региональных организаций, рассматривавшихся ранее в этой работе. Найденные недочеты систем анализируются, а затем представляется заключение об успехе международного сообщества в деле обеспечения и применения международного права прав человека.

На сегодняшний день еще не существует международного трибунала по правам человека, хотя некоторые комитеты ООН и функционируют в квази-судебной форме. Это – беспристрастная панель экспертов, действующая по собственным правилам процесса, которая может заслушивать показания экспертов от сторон, и, после этого, выносить заключение, которое, все же, не имеет обязательной юридической силы (не обязательно к применению в правовом смысле). Процесс, особенно в таких органах как Комитет по правам человека и Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации, которые могут принимать индивидуальные жалобы, близок к судебному, но, все же, далек от Европейского и Межамериканского судов по правам человека. Римский Статут, учреждающий постоянный международный уголовный суд, дает надежду на реализацию настоящего судебного органа, хоть и только в отношении серьезных «преступлений против человечности», в то время как успех *ad hoc* Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, в поднятии профиля некоторых аспектов международного права прав человека, невозможно переоценить.

2.5. Практика государств в процессе унификации мониторинга, имплементации и применения прав человека на конституционном уровне. Неизбежно, проблема имплементации уходит в саму природу международного права. Учитывая консенсуальную договоренность, основанную на согласии между государствами, взаимности и уважении к национальному суверенитету и территориальной целостности, те виды механизмов применения, которые

используются на национальных уровнях, не могут быть эффективными. Юристы уже давно подготовили стандарты международного права прав человека, но для обеспечения реализации требуется сотрудничество со стороны политиков. В этом отношении роль Международного уголовного суда, в каком-то смысле отличается от роли органов, занимающихся мониторингом прав человека – преступления уже определены и Международный уголовный суд будет решать, виновен или нет в этих преступлениях тот или иной индивид. Данный процесс отражает традиционный подход к судебному процессу в соответствии с правом, в отличие от того процесса, с помощью которого государства могут быть привлечены к ответственности за нарушения положений международного права прав человека.

2.6. Материальное международное право прав человека в свете международного права и конституционного права государств. До этого момента, данная работа была сфокусирована на институциональной системе, в которой происходит защита прав и свобод человека и на взаимодействии с конституционным правом. Также были рассмотрены основные документы по правам человека, заключающие в себе такие права и свободы. Установив, таким образом, границы, в которых контролируется вмешательство государства в права и свободы, фокус в данном параграфе был перемещен на материальное содержание международного права прав человека. Как относительно молодая отрасль права, функционирующая как часть международного права, с глубокими философскими корнями, международное право прав человека все еще растет и развивается [24, с.11]. Некоторые аспекты его уже достаточно хорошо развиты – например, запрет на пытки и рабство – другие, такие, например, как право на труд, все еще слабо определены в области охвата и эффекта. Постоянно возникают «новые» права человека, которые неизменно расширяют письменную кодификацию концепции международного права прав человека.

До того, как можно будет рассматривать содержание прав в особенной части данной работы, необходимо завершить общую часть, определением ограничений различных прав и границы, в которых государства могут отклоняться от ответственности в соответствии с международным правом прав человека.

По своей природе, всеобщие права человека должны принадлежать всем людям вне зависимости от расы, языка, религии или этнического происхождения. Такой подход предоставил законодателям еще одну серьезную проблему – приведение всех верований, традиций и культур к общему знаменателю международного права прав человека, к международному минимальному стандарту обращения. Установление такого стандарта само по себе является проблематичным, так как набор прав не может быть настолько минимален, что это сведет на нет само их существование. В целом многие из прав, содержащихся во Всеобщей Декларации, являются желаемыми целями, которые государства согласились стремиться достичь. Подобная форма установления стандартов является неизбежно проблематичной. Очень трудно следить за исполнением обязательств государств в любое время, когда должны прогрессивно применяться права человека.

В этом смысле, в отношении положений о правах человека, часто звучат обвинения в недостатке их четкости. Широта статей конвенций неизбежно зависит от их телеологического толкования, для того, чтобы поддерживать их соответствие с прогрессивной эволюцией права прав человека. С развитием общества, реализуется больше прав, и меняются моральные и глобальные стандарты. Права человека не статичны: они неизбежно гибки, точное мнение прав может меняться с годами. Такое положение дел неизбежно, учитывая, что документы по правам человека, к которым присоединяются государства, представляют собой юридическое

воплощение философской теории. Письменные тексты при этом заключают в себе то, что было согласовано, а не обязательно всю полноту философии, которая стоит за положениями. Основываясь на общем, основном принципе, контрольные органы применяют любое положение в телеологической форме со ссылкой на общий дух документа. Поэтому, в то время как одни рассматривают недостаток специфики как слабость, другие считают его силой. Международные документы – это в своем роде живое право, нормы которого растут и развиваются с годами. Единственное ограничение на развитие данного права это консенсус – любой региональный и международный орган может действовать лишь в соответствии с общей волей государств. Европейская Конвенция по Правам Человека, и Конвенция «О правах ребенка», это ведущие примеры телеологического толкования за последние годы.

3. Международное право прав человека и становление основных институтов конституционного права в Республике Молдова, Грузии и Азербайджанской Республике: сравнительно-правовой анализ.

Данный раздел анализирует конституционное развитие трех постсоветских государств (Молдовы, Грузии и Азербайджана) в историческом разрезе, в качестве примера процессов параллельных развитию международного права прав человека. Исторический аспект становления конституционного права данных государств необходим для комплексного понимания развития национальных отраслей конституционного права. Молдова, Грузия и Азербайджан были выбраны в качестве примеров как региональные государства, относительно недавно восстановившие свою независимость, имеющие общую историю, но, в то же время, существенно различающиеся процессы конституционного развития и становления. Влияние и уровни соприкосновения международного права, в свою очередь, будут отражены далее в данном исследовании.

3.1. Конституционное право в Республике Молдова. Историко-правовой анализ конституционного права Молдовы в контексте становления и развития государства позволяет отметить, что правовая система, как все правовые явления, рассмотренные в свете относительно стабильных и взаимозависимых отношений [55, с.5], современной Молдовы входит в романо-германскую правовую семью, с некоторыми элементами социалистического права, оставшегося от наследия Советского Союза. При этом следует отметить богатую историю конституционного права Молдовы, которая, по мнению И. Гучака, является основной отраслью правовой системы как основной отрасли права [55, с.29]. Однако, в первую очередь, следует отметить исторический опыт формирования правовой среды в данном государстве.

Изначально историко-правовой опыт Молдовы отличается самобытностью. В средневековье основным источником права в Молдове были обычаи. Молдавские господа издавали жалованные грамоты, которые содержали некоторые нормы права. Особую роль и значение также играло византийское право, которое оказало на Молдову очень серьезное влияние. Учитывая формирование феодального византийского права на опыте Римской империи, можно говорить о фактически прямом влиянии римского права на формирование правовой среды в Молдове.

Следует отметить, что византийское право было настолько распространено, что действовало до XX века в виде Шестикнижия фессалоникского судьи Константина Арменопуло, которое будучи сокращенной версией византийского законодательного сборника IX века (Прохирина), содержало в себе нормы гражданского, уголовного, церковного права, а также некоторые процессуальные нормы. Данное Шестикнижие служило для адаптации переработанного римского права к феодальным отношениям Молдовы того времени. Шесть томов данного

сборника содержали соответственно процессуальное право, вещное право, вещное и обязательственное право, брачное право, наследственное право и уголовное право.

В 1990 году в Молдове начинается коренная правовая реформа, которая ликвидирует навязанную советским временем правовую систему и возвращает Молдову в романо-германскую правовую семью. Конституционное право реформируется всесторонне в направлении идеологического и политического плюрализма, социально ориентированной рыночной экономики, расширения прав и свобод человека и укрепления гарантий таких прав и свобод (формирование институтов прав человека в конституционном праве). Лингвистическое родство Молдовы с романскими народами обусловило стремление местных законодателей закрепить в республике романскую правовую культуру, чем очень характеризуется национальное конституционное право. Отчетливо видно, что при написании новых законов активно адаптируется романская (чаще все французская) юридическая техника и стилистика, а также эффективно имплементируются присущие романским странам государственные и правовые институты. При анализе результата долгого конституционного развития Молдовы – а именно Конституции Молдовы 1994 года, можно заметить, что ее вдохновением послужила Конституция Французской Республики от 1958 года. Имеют место схожие институты Высшего совета магистратуры, Высшей судебной палаты, общие для конституций понятия: «органический закон», «промульгация», «контрасигнатура». Интересно, что внутренние войска получили название «карабинеров», как в Италии. При этом адаптация романской правовой культуры, значительно отдаляет Молдову от влияния российской правовой системы. При этом следует отметить, что в 1990-е годы Молдова взяла интенсивные темпы кодификации нового законодательства и в первую очередь приняла Земельный, Таможенный, Уголовно-Исполнительный, Лесной и Налоговый кодексы, а также, что очень важно – Кодекс конституционной юрисдикции.

В соответствии с текущим конституционным правом, основным источником права в Молдове являются законодательные и другие нормативные акты. Они обладают собственной иерархией, которая включает Конституцию, конституционные, органические и ординарные законы, а также указы Президента страны, постановления и распоряжения Правительства, подзаконные акты министерств и ведомств, органов местного самоуправления. Очень важной особенностью правовой системы Молдовы является то, что, согласно ее Конституции, приоритет над конституционными нормами имеют лишь международные нормы пактов и договоров об основных правах человека, одной из сторон которых является Республика Молдова.

Таким образом, следует констатировать, что принятие последней Конституции Молдовы и последующее установление конституционного контроля с помощью законодательства о Конституционном суде стало пиком конституционного становления и развития Молдовы в современный период.

3.2. Конституционное право в Грузии. Конституционное развитие Грузии проходило в рамках романо-германской правовой семьи и, учитывая значительное историческое развитие, правовая система Грузии на данный момент сформировалась в качестве члена так называемой «евразийской» группы. Государственное право Грузии имеет богатую историю, уходящую своими корнями в начало нашей эры. В середине IV века Грузия попадает под влияние многих норм канонического права, так как христианство становится государственной религией. Как и в случае с Молдовой, серьезное влияние на правотворческую деятельность правителей Грузии оказало сильно развитое на тот момент право Византии. Первая попытка

систематизации законодательства в Грузии относится к IX веку и предстает в виде единого светского акта того периода, который дошел до нас лишь фрагментами, и называется «Книга Права», более известная как Законы Баграта Куропалата.

XIV-XVIII века можно считать историческим расцветом становления конституционного правотворчества Грузии. Право развивалось достаточно быстро, и было произведено большое количество кодификаций грузинского обычного права, которое и дошло до нас в виде кодексов. Среди них следует отметить: Законы царя Георгия, Судебник Беки Агбуги, Законы католикосов, Законы Вахтанга VI и другие источники, которые дополняли друг друга в течение указанных выше веков.

Так Судебник Георгия (сборник законов, изданный царем Георгием V) относится к 1325-1346 годам и имел своей целью распространение грузинского феодального права на территории верховьев Арагвы (Араз) и Ксани, население которых выступало против установления феодальных отношений. При этом Судебник сохранял такие устаревшие обычаи как кровная месть (при похищении чужой жены, например) или убийство вора в момент преследования. В то же время Судебник пошел вперед и ввел новые формы ответственности за преступления, как правило, в виде денежных штрафов, величина которых зависела от социального положения сторон. Другая кодификация, Судебник Беки и Агбуги представляет собой сборник законов о государственности и положении подданных правителей княжества Самцхе – Саатабаго Беки и его внука Агбуги. При этом положение подданных определялось в основном нормами уголовного права и также, как и предыдущая кодификация Георгия, эта сохраняла кровную месть за некоторые преступления, но в основном назначались денежные взыскания. Купля-продажа, заем и наследование, также вошли в данный Судебник в виде очень короткого имущественного раздела.

В 1995 году в Грузии принимается новая демократическая Конституция с подчеркнута западно-либеральным уклоном. Общепризнанные права и свободы человека объявляются непреходящими и высшими человеческими ценностями (ст.7). Однако отсутствуют какие-либо конкретные положения о социально-экономической системе республики и социально-экономические права граждан. При этом по темпам правовых реформ Грузия на первых порах опережала многие бывшие союзные республики. В 1990-х годах Грузия приняла большое количество новых кодифицированных нормативно-правовых актов, например, Гражданский, Гражданско-процессуальный, Уголовный, Уголовно-процессуальный, Воздушный, Морской, Налоговый и Таможенный кодексы. Данные кодификации и принятые в тот же период времени грузинским Парламентом основные законы, заложили базу современной правовой системы и государственного права Грузии. В законодательстве просматривается приверженность классическим принципам романо-германской системы.

При этом, несмотря на европейский ориентир конституционного развития Грузии в постсоветский период, правовая и государственная система грузинского государства все же сохраняет тесную связь с правовыми системами многих других государств бывшего советского пространства. Такая связь прослеживается в сходной структуре системы права, юридической технике, правовом мышлении и культуре, хотя со временем различия только увеличиваются.

В результат долгого пути, пройденного грузинским государством, основным источником права в современной Грузии являются законодательные и нормативные правовые акты. Иерархия таких актов включает, собственно, Конституцию, органические и обычные законы Парламента, указы Президента Республики, подзаконные акты министерств и ведомств, органов местного самоуправления.

Спецификой грузинской системы конституционного права является наличие института чрезвычайного законодательства. Согласно Конституции Грузии (ст.73) во время чрезвычайного положения Президент издает имеющие силу закона декреты, действующие до окончания чрезвычайного положения, а также имеет полномочия осуществлять чрезвычайные мероприятия. Декреты представляются в Парламент, когда он соберется на заседание.

Следует отметить, что последние изменения в конституционном праве Грузии предопределили смену направления конституционного развития государства и показывают наличие серьезных демократических процессов, приводящих к развитию, как правовой системы Грузии, так и ее конституционного строя.

3.3. Конституционное право в Азербайджанской Республике. Развитие государственного права Азербайджана имеет древнюю историю. В целом правовая система Азербайджана на данный момент представляет собой комплексную классическую романо-германскую систему с восточными нормативными особенностями и некоторым остаточным эффектом влияния социалистического права (что характерно для большинства постсоветских правовых систем) [23, с.119].

Следует отметить, что к моменту вхождения в состав Российской империи в Азербайджане, как и во всех мусульманских государствах, действовали традиционные источники шариата. Кроме того, местные правители издавали свои законы – фарманы. Обычное право также широко применялось на практике. При этом судебные функции в основном осуществляли духовные лица кадии.

При этом Российская империя значительно повлияла на смену курса правовой системы Азербайджана с религиозного на светский. В дореволюционный период изменения подвергались главным образом отрасли публичного права. При этом в сфере частного права (особенно семейно-брачного) продолжали действовать традиционные мусульманские и обычно-правовые нормы.

После объявления независимости в 1918 году, тогдашнее руководство Азербайджана взяло курс на демократический путь развития и приведения правовой системы в соответствие со светскими нормами, использовавшимися на тот момент в странах Европы. Однако за два года существования независимой Азербайджанской Демократической Республики, государство не успело принять конституцию и другие основные законы и реформировать правовую систему. В 1920 году Азербайджан был оккупирован советскими войсками, и была установлена власть советов.

Анализируя текущую стадию конституционного развития Азербайджана, можно с уверенностью сказать, что на текущем уровне становления конституционного права Азербайджан входит в евразийскую группу романо-германской правовой семьи, сформировавшейся на основе сравнительно однородного конституционно-правового пространства стран, находящихся в регионе соединения Восточной Европы и постсоветского пространства.

По темпам правовых преобразований Азербайджан не уступает на данный момент, как другим представителям постсоветского пространства, так и многим странам Восточной Европы, переживающим переходный период интеграции в Европейский Союз. Практически полную кодификацию своего законодательства Азербайджан завершил еще в конце 1990-х. В начале данной декады были приняты лишь отдельные кодификации, такие как Земельный, Воздушный, Водный, Лесной и Таможенный кодексы. Однако к 2000 году все основные отрасли права были кодифицированы в виде Трудового, Семейного, Гражданского, Гражданско-процессуального, Уголовного, Уголовно-процессуального, Налогового кодекса, а также Кодекса об административных проступках. Далее последовало дальнейшее

реформирование и развитие законодательства в соответствии с требованиями времени и международными обязательствами, взятыми на себя Азербайджаном.

В правовой системе Азербайджана, наряду с обычными, следует также выделить конституционные законы, которые дополняют Конституцию. Они принимаются большинством в 95 голосов членов парламента.

На данной стадии своего государственно-правового развития Азербайджан представляет собой президентскую республику [65, с.375]. В соответствии с действующими конституционными нормами законодательную власть в Азербайджане осуществляет постоянно действующий однопалатный парламент – Милли Меджлис, состоящий из 125 депутатов. Депутаты Милли Меджлиса избираются на основе мажоритарной избирательной системы и всеобщих, равных, прямых выборов на срок полномочий в пять лет. По вопросам, относящимся к ведению парламента, он принимает конституционные законы, законы и постановления. При этом, интересным является конституционное правило, по которому в законах и постановлениях, принимаемых Милли Меджлисом не могут содержаться конкретные поручения органам исполнительной власти и судам. Данная норма служит одной из гарантий разделения властей.

Для Азербайджана, процесс конституционного становления и развития конституционного права проходил с большим количеством коренных изменений за относительно короткий исторический промежуток времени. Тем не менее, Азербайджанская Республика на сегодняшний день имеет все конституционно-правовые основы современного демократического государства и показывает хороший результат стабильного развития государственного права.

4. Взаимовлияние и соприкосновение международного права прав человека и конституционного права.

Международное право прав человека как отрасль международного права находит свое отражение в национальном праве каждого государства, которое принимает участие в многосторонних соглашениях, являющихся основными источниками данной отрасли международного права, и которое, в той или иной степени, участвует в правовой жизни международного сообщества.

Действительно, изначально права человека признавались как феномен естественного права и находили свое отражение в национальном праве отдельных государств. Как видно их истории международного права прав человека, только лишь в XIX-XX вв. начался процесс консенсуальной кодификации норм права прав человека на международном уровне. В свою очередь, данный процесс повлиял на формирование конституционного права многих государств, сформировавшихся за вторую половину XX в.

Если рассматривать права человека с позиций конституционного права, легко можно заметить дифференциацию терминов «права человека» и «права гражданина». Конституционно-правовая доктрина подразумевает, что первые проистекают из естественного права, а вторые – из позитивного, хотя и те, и другие носят неотъемлемый характер. Права человека являются первоначальными и присущи всем людям от рождения вне зависимости от их гражданства и государства их проживания, в то время как права гражданина представляют собой те права, которые признаются за лицом в силу его принадлежности к тому или иному государству. Поэтому любой гражданин любого государства обладает всей полнотой общепризнанных прав человека и, в то же время, получает все права гражданина, тогда как «негражданин» – пользуется лишь общепризнанными правами человека. Подобная схема действует ввиду желания каждого государства в отдельности предоставлять весь комплекс конституционных прав гражданина только лицам,

которые тесно связаны с жизнью такого государства и на которых возложены конституционные обязанности.

Всего, исходя из исторического процесса, можно выделить три уровня развития норм права прав человека, как в рамках конституционного права, так и в рамках международного права.

4.1. Первый уровень. Институт прав человека в конституционном праве США, Великобритании и Франции: сравнительно-правовой анализ. Первый уровень охарактеризован формированием изначальной доктрины естественного права и соответственно феноменом универсальных прав человека. Процесс, начавшийся в XVII в. продолжился вплоть до формирования первых основ международного права прав человека в начале XX в. Он принес признание государствами основных прав и свобод человека и закрепление их в конституционном праве первоначально таких государств, как США и Франция, а затем и многих других государств. Этот период истории хорошо показывает, насколько длительным и болезненным может быть процесс признания за индивидом широких прав и свобод, таким образом, ослабляя свободу действий в отношении своих граждан со стороны государств. Сначала за гражданами признавались в основном гражданские и политические права и свободы в духе Французской Декларации и Американского Билля, но с течением времени увеличилась все большая потребность в экономических и социальных правах. Изначально государства с неохотой предоставляли права и свободы своим гражданам и стремились ограничивать их в любом удобном для них случае. Однако с течением времени государства смогли проверить новую систему прав человека на примере США и европейских государств и процесс пошел с большей скоростью.

Теория естественного права подарила миру доктрину прав человека, но в то же время поведение государств на международной арене и закрепление прав человека за населением того или иного государства, напрямую зависело от его воли. Такая воля не всегда была направлена в пользу людей. Таким образом, была обусловлена необходимость формирования всеобщих норм прав человека на международном уровне.

4.2. Второй уровень. Институт прав человека в конституционном праве Германии, Италии, Индии и Японии: сравнительно-правовой анализ. Второй уровень принес именно международный подход к проблеме прав человека. Работа Лиги Наций, а затем и ООН прочерчивают весь второй уровень взаимосвязи международного права прав человека и конституционно права. В этот период первой половины XX в. было сформировано международное право прав человека как таковое. Именно основы, заложенные в конституционном праве многих государств на первом уровне, позволили правам человека перейти на новый международный уровень и быть кодифицированными и закрепленными универсально. Данные права теперь признавались всеобщими и неотъемлемыми консенсусом абсолютного большинства стран мира. Основные источники права прав человека были закреплены на международном уровне, и в них нашел отражение весь опыт в области прав человека, накопленный государствами за сотни лет. Именно на этом этапе началось формирование доктрины применения прав человека и поиск наиболее эффективных гарантий всеобщих прав и свобод человека. Каждое закрепление прав на международном уровне имело свое отражение в национальном праве любого государства и в их поведении на международной арене. То же самое происходило в обратном направлении. Практика государств на международном уровне и их действия отражались на формировании международного обычного права, часть которого входит в международное право прав человека (например, *ius*

cogens). Помимо того, что на этом уровне произошло формирование международного права прав человека, впоследствии данная отрасль международного права еще больше развила концепцию прав человека и материальные права как таковые. Как видно из предыдущих частей данной работы многие права получили подробное рассмотрение, как в источниках международного права, так и в доктрине. Процесс развития международного права прав человека продолжается и сейчас, и приходится на третий уровень связи данной отрасли международного права с конституционным правом.

4.3. Третий уровень. Институт прав человека в конституционном праве Российской Федерации, Республике Молдова и Азербайджанской Республике: сравнительно-правовой анализ. Третий уровень характеризуется возникновением новых государств по всему миру. Вторая половина XX в. стала периодом деколонизации, а ее конец развалом Советского Союза и Югославии. Эти процессы увеличили в несколько раз членство в ООН и соответственно стали началом формирования собственных систем конституционного права в новых государствах. Таким образом, международное право прав человека непосредственно и прямо оказало влияние на институты прав человека в новых государствах. Присоединяясь к международным документам, включая в свои конституции положения о правах человека, создавая соответствующие институты, данные государства использовали опыт стран с более длительной историей формирования и развития институтов прав человека. Этот опыт, сформировавшись на первом уровне и получившем развитие на втором, был принят государствами на третьем уровне. На данный момент практически нет ни одного государства в мире, которого бы не коснулась подобная взаимосвязь. На сегодняшний день уже можно проследить даже обратную связь, которая функционирует на третьем уровне. Новые государства, воспринявшие накопленный опыт, в свою очередь формируют свой опыт применения и защиты прав человека на национальном уровне и делятся им с международным сообществом. Помимо того, что такой подход позволяет развивать международное право прав человека, этот опыт передается и применяется и теми странами, которые формировали институты прав человека конституционного права на первом уровне.

Исходя из доктрины международного права прав человека, все его нормы являются всеобщими и должны имплементироваться в национальное законодательство. Связь с конституционным правом здесь особенно сильна ввиду того, что именно конституционное право является порталом для имплементации любых норм международного права в национальное законодательство того или иного государства. Конституционному праву отводится основная роль в определении взаимодействия национального и международного права. Существует устоявшийся принцип, согласно которому установление порядка такого взаимодействия является суверенным правом любого государства. Конституционное право в тоже время определяет полномочия государственных органов в применении международно-правовых норм. При этом также действует принцип суверенного равенства определяющий, что каждое государство должно выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства. В случае расхождения международного обязательства и национального права государство не может ссылаться в качестве оправдания невыполнения обязательства на собственное право [7, ст.27].

В доктрине часто встречается мнение, что конституции некоторых государств признают примат международного права, а значит и непосредственное действие международного права прав человека. Такое утверждение не совсем верно. Конституции не признают существующий примат международного

права, а сами его устанавливают. Международное право прав человека регулирует лишь строго-определенные отношения в данной области, и это подтверждается основными источниками международного права. Именно поэтому нормы национального права в области прав человека – если брать уже – конституционного права, не являются составляющей частью комплексной отрасли международного права прав человека, а лишь находятся с ней в тесной связи. Таким образом, для того, чтобы регулировать отношения между физическими и юридическими лицами, а также государством на национальном уровне, нормы международного права прав человека, должны быть имплементированы в правовую систему того или иного государства, т.е. практически происходит процесс трансформации международно-правовых норм в нормы национального права.

В целях предоставления наиболее полной картины взаимосвязи международного права прав человека и конституционного права, в данной части работы рассматриваются по отдельности институты прав человека на основе анализа норм конституционного права нескольких государств, являющихся представителями различных правовых систем, а также различных уровней взаимодействия международного права прав человека и конституционного права. В целях данного исследования рассматриваются институты прав человека США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Индии, Японии, России, Грузии, Молдовы и Азербайджана.

5. Отражение институтов международного права прав человека как отрасли международного публичного права в национальном/конституционном праве государств.

5.1. Соотношение международного права прав человека и международного гуманитарного права и его отражение на национальном/конституционном уровне.

5.1.1. Процесс сближения положений и институтов международного права прав человека и международного гуманитарного права. Международное гуманитарное право и право прав человека тесно взаимосвязанные, но вместе с тем различные отрасли международного права. Их взаимосвязь базируется на общем объекте – человеке, что обусловило их единые философские и исторические корни. Однако разные цели и условия, вызывавшие необходимость обеспечения защиты человека (в период войны максимально уменьшить ее губительные последствия, в мирное время, – оградить человека от произвола власти), привели, по справедливому замечанию известного швейцарского юриста Ж. Пикте, к параллельному развитию двух отраслей права, получивших закрепление в международно-правовых документах, не совпадающих ни по времени принятия, ни по содержанию [32, с.8].

Среди юристов-международников долгое время не было единого подхода к решению вопроса о соотношении данных отраслей права, к объему понятия международного гуманитарного права. Большинство советских, а ныне российских юристов исходили из широкого понятия международного гуманитарного права. Так, например, известный юрист-международник И.П. Блищенко считал, что международное гуманитарное право включает в себя три части; совокупность международно-правовых норм, определяющих режим прав и свобод человека в мирное время; совокупность международно-правовых норм, определяющих режим соблюдения элементарных прав и свобод человека во время вооруженных конфликтов; совокупность правовых норм, касающихся ограничения и запрещения применения и производства отдельных видов оружия [5, с.76].

Другие придерживались позиции Международного Комитета Красного Креста (МККК), понимая под международным гуманитарным правом только собственно

право вооруженных конфликтов [4, с.10]. Справедливости ради отметим, что последние непосредственно занимались изучением международным гуманитарным правом в понимании МККК.

Вместе с тем, общее происхождение (схожие философские и исторические корни), единая направленность («необходимость защитить человека от угрожающих ему враждебных сил») обусловили наличие общих стержневых норм, «неизменного ядра» прав человека, таких как: право на жизнь; недопустимость дискриминации; недопустимость пыток или жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказаний; недопустимость рабства или иного подневольного состояния; право на процессуальные гарантии во время судебного разбирательства [11, с.95].

5.1.2. Санкции за нарушение норм международного гуманитарного права и их влияние на институт защиты прав человека: теория и практика. Окончание «холодной» войны сделало возможным по-новому посмотреть на институт защиты прав человека. Общеизвестно, что долгое время государства не очень охотно соглашались на исследования нарушений прав человека во время кризисных ситуаций, к которым относятся вооруженные конфликты, в том числе международные и немеждународные. К сожалению, во время вооруженных конфликтов вопросы относительно защиты прав человека остаются традиционно на втором плане, они затмеваются другими проблемами, связанные с вопросами безопасности, патриотизма и т.д.

В первой декаде XXI века Международный Комитет Красного Креста (МККК) провел исследование в ряде стран в целях определения отношения населения к актам войны. Результаты следующие: подавляющее большинство людей считают, что некоторые акты войны достаточно серьезны, и потому могут быть квалифицированы как военные преступления, и что совершающих их лиц следует судить и наказывать [10, с.26].

В то же время, отметим, что относительно возможной формы правосудия пожелания различаются от страны к стране. Так, прослеживается следующее правило – в большинстве стран со слабой государственной властью люди преимущественно отдадут предпочтение международным инстанциям, считая, что не стоит ждать справедливых приговоров от национальных судов по причине их слабости либо коррумпированности.

МГП вменяет государствам в обязанность пресекать его нарушения. Санкции являются неотъемлемой частью любой правовой системы, и угроза эффективного наказания является сдерживающим фактором. Государствам надлежит обеспечить соответствие своих правил нормам, установленных международными договорами или вытекающих из обычного международного права, а также принимать все необходимые меры к тому, чтобы предупреждать и пресекать их нарушения. Имеются в виду разработка военных наставлений, административных инструкций и другие законодательные меры. В случае серьезных нарушений международного гуманитарного права лица, подозреваемые в их совершении, должны привлекаться к уголовной ответственности.

5.2. Влияние практики международных организаций и международных судебных инстанций на институт прав человека на национальном/конституционном уровне.

5.2.1. Практика Судов по Правам Человека в свете ее влияние на институт прав человека на национальном/конституционном уровне. В последнее время мы являемся свидетелями новой тенденции взаимоотношения между МППЧ и МПП в целом и МГП, в частности. Универсальный характер прав человека, необходимость

обеспечения которого приобретает императивный характер, включая ситуации внутренних беспорядков и внутренних конфликтов, привело к тому, что некоторые международные судебные инстанции, обладающие юрисдикцией по данному вопросу косвенно расширили круг ситуаций (*ratione situationis*), в отношении которых они должны высказываться. В качестве примера приведем ЕСПЧ и Американский Суд по Правам Человека.

Позволим себе высказать мнение, что такого рода подход связан с двумя факторами. Во-первых, санкции за серьезные нарушения МГП не остаются без внимания ни МГП, ни уголовного права, включая международное и национальное. Во-вторых, как было указано выше, в последнее время мы являемся свидетелями нового феномена, когда некий орган в чью компетенцию не входит (по крайней мере, не является основной функцией) применения санкций за нарушение МГП, расширяет свою юрисдикцию на данные вопросы. Это связано с тем, что в условиях неэффективности классических механизмов применения санкций, жертвы находятся в поиске новых путей достижения юстиции в стенах судебных инстанций. Множество государств являются членами международных организаций по защите прав человека, в результате чего включили в свои внутренние правовые механизмы индивидуального обращения в надгосударственные суды для разрешения возникшего спора. Европейский Суд по Правам Человека не раз рассматривал случаи нарушения прав человека, являющихся одновременно нарушениями МГП. Вместе с тем, необходимо отметить особую позицию Суда, санкционируя поведение, являющееся серьезным нарушением МГП, он предпочитает обращаться только к нарушениям Европейской конвенции о правах человека [41]. Вопрос обращения к применяемому праву может считаться второстепенным в осуществлении поиска диверсификации своей компетенции. Выбор нормы обращения – МГП либо МППЧ – обусловлен внешними и внутренними факторами, вопрос, не относящийся к нашему исследованию.

5.2.2. Практика ООН в свете ее влияние на институт прав человека на национальном/конституционном уровне. Система защиты прав человека в рамках ООН была создана всего за три года. На организованном уровне за подписанием Устава последовало создание главных органов ООН и специализированных учреждений, обладающих компетенцией в области прав человека. Следует также подчеркнуть, что некоторые нормы ООН в области прав человека, хотя и имеющие форму рекомендаций, приобрели такой авторитет, что многие из них считаются нормами международного обычного права.

В этой связи особого внимания заслуживает работа Комиссии ООН по правам человека, Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите национальных меньшинств, а также других конвенционных органов, как в нормотворческой, так и в процедурной деятельности системы ООН.

5.3. Международное право прав человека в свете обеспечения прав некоторых отдельных категорий лиц и групповых прав: беженцы, коренные народы, меньшинства, женщины и дети. Данный параграф посвящен краткому описанию отдельных категорий лиц, нуждающихся защите, чей правовой статус регулируется одновременно международным правом и национальным правом государств. Мы не станем детально рассматривать соответствующие вопросы по простой причине, что данная тема заслуживает отдельного исследования, что является невозможным в нашем случае, поэтому остановимся лишь на влиянии, оказанном МППЧ на регулировании правового статуса отдельных категорий лиц, что в свою очередь оказывает влияние на процесс конституционного регулирования государствами соответствующих положений.

5.4. Актуальность международного права прав человека на примере обеспечения прав человека в бизнесе.

5.4.1. Основные критерии, определяющие актуальность института прав человека в бизнесе. Одним из самых значительных изменений в дебатах по поводу международного права прав человека в последние годы стало все большее признание прямой связи бизнеса и прав человека. Еще до собрания Всемирной Торговой Организации в Сиэтле в 1999 году, стало предельно ясно, что дебаты в отношении прав человека поставили бизнес ровно в центр всех споров. Права человека попали в повестку дня мирового бизнеса на более высокую позицию (и вслед за этим привели бизнес на более высокую позицию в повестке дня неправительственных организаций, таких, например, как *Amnesty International*) благодаря определенным глобальным трендам.

5.4.2. Международно-правовые обязательства, глобальный бизнес и права человека. Международное право прав человека основано на системе, в которой доминирующее положение занимают государства. При этом, на государства, в лице их правительств и других государственных учреждений, возлагается большая часть обязательств в соответствии с международным правом прав человека.

Международное право прав человека возлагает на государства четкие обязательства по защите всех индивидов, находящихся в пределах его территории. Как видно из статей двух Международных Пактов, международное право прав человека сфокусировано на ответственности государств по принятию конституционных, законодательных и других мер по обеспечению защиты прав человека в пределах своих территорий, вне зависимости от того, кем является нарушитель.

5.4.3. Транснациональные корпорации и права человека. Транснациональные Корпорации выступают в качестве нарушителей международного права прав человека, если их действия наносят ущерб правам и свободам других, включая и корпоративных работников. Эта проблема, пожалуй, первой приходит на ум, если рассматривается тема «ТНК и права человека». Такие негативные действия ТНК проявляются во многих формах, включая влияние корпоративной деятельности на условия труда (дискриминация на рабочем месте и сексуальные домогательства), на окружающую среду, на коренные народы, на политическую систему и т.д. Эти проблемы, которые продолжают привлекать внимание международных юристов, организаций по правам человека и других неправительственных организаций. Основным аргументом подобных стратегий является то, что ТНК не должны отдавать приоритет экономической эффективности в ущерб другим ценностям, а скорее должны интегрировать их в систему с гуманитарной направленностью. Данный аргумент не является новым и уже давно составляет часть движения за корпоративную социальную ответственность. Основной проблемой данных аргументов является убеждение принимающих решения в ТНК, что защита прав человека имеет свою ценность. Как правильно отмечается в доктрине – естественно, самыми убедительными доводами в пользу осведомленности о правах человека, являются финансовые. Озабоченность корпоративной социальной ответственностью вызвана скорее финансовыми и рыночными стратегиями, а не понятиями гражданского долга.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Международное право прав человека прошло долгий путь от зародышевой стадии в восемнадцатом веке и до наших дней. Сама концепция прав человека

претерпела существенные изменения и прошла несколько поколений испытаний на прочность и актуальность. Тем не менее, глубокое изучение данной комплексной отрасли международного права абсолютно необходимо для эффективного функционирования институтов прав человека в государстве, а также для правильной имплементации международных норм данной области в соответствующее конституционное право. Как показывает данное исследование влияние международного права прав человека на отдельные институты конституционного права в современном мире так высоко, что речь уже заходит об универсальном подходе к правам человека в новейших конституциях современности.

Роль международного права сложно недооценить. Именно международное право, сыграло особую роль в формировании концепции прав человека. С помощью международного права юридическое закрепление прав приобрело смысл кодификации верховенства права юристами и законодателями. Международное право прав человека, однако, вышло за пределы общего международного права. В сфере регулирования между традиционным влиянием международного права (отношения между государствами) и традиционным влиянием государственного или конституционного права (отношение между государством и индивидами), а также правами человека, существует частичное пересечение, дающее возможность международному сообществу устанавливать ограничения для государств в отношении их действий, касающихся граждан этих государств. Обычный подход, т.е. базирование «прав» индивидов на притязательных правах государства, отчетливо наблюдается при рассмотрении прав иностранцев, которые предусматривают определенный стандарт обращения с иностранцами, обязательный для применения одними государствами в отношении граждан других государств. Такие подходы обычно закрепляются в конституционном праве государств, в то же время, необходимо отметить, что основополагающие источники относятся к международному праву.

При этом нельзя также забывать о роли, которую международное право прав человека сыграло в развитии международных отношений. Такое влияние отчетливо заметно при рассмотрении дипломатического права. Современная юридическая мысль в своем развитии смогла отойти от теории о том, что дипломатический персонал обладает определенными правами и привилегиями лишь в виду территориального принципа. Нынешний подход, признанный в результате деятельности Комиссии международного права – подход «функциональной необходимости» диктует, что индивидам необходимы дипломатические права и привилегии для того, чтобы беспрепятственно осуществлять возложенные на них функции и полномочия. Определяя свод правил поведения в дипломатических отношениях, международное сообщество признало, что определенная группа людей требует специальных прав для того, чтобы осуществлять свои функции. Именно по этой причине некоторые авторы ссылаются на дипломатическое право, как родственное современному праву прав человека. По этой причине конституционное право устанавливает специальный режим для дипломатов и их миссий, позволяющий как имплементировать международные нормы, так и способствовать созданию новых принципов права.

Международное право прав человека также оказало влияние и на концепцию, и на объективное ведение войны. Международное гуманитарное право является на сегодняшний день частью комплексной отрасли международного права прав человека и регулирует международные отношения через *jus in bello*. При этом, Женевские Конвенции (I-IV) 1949 г. и три Дополнительных протокола к ним от 1977 (I-II) и 2005 (III) гг. остаются фундаментом современного международного

гуманитарного права. В тоже время, культурное достояние находится под защитой Гаагской конвенции от 1954 года «О защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов» и двух Дополнительных протоколов от 1954 (I) и 1999 (II) гг. Биологическое и токсичное оружие находится под запретом конвенции от 1972 года, а химическое – конвенции от 1993 года. Эту же тему продолжает, и Конвенция от 1980 года о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие: определенные мины, растяжки, взрывчатые устройства, наносящие вред фрагментами, которые невозможно обнаружить в медицинских условиях. Зажигательное и лазерное оружие также входят в этот список. В 1998 году была принята Конвенция «О запрещении противопехотных мин и об их уничтожении».

После смены акцентов после Второй Мировой войны и формировании нового подхода к доктрине прав человека пропагандируемой ООН, основную трудность для международного права прав человека играл тот факт, что в Устав ООН не было инкорпорировано определенной системы защиты прав человека. Точнее, в Устав была включена задача по обеспечению уважения прав человека, в то время как государства брали на себя обязательства по развитию, продвижению и наблюдению за соблюдением прав человека на своих территориях. Фактически государства должны были имплементировать данные принципы, а значит внести соответствующие изменения в конституционные нормы. Не было указано какого-либо определения или артикуляции «прав человека», хотя была сделана ссылка на концепцию равенства и понятие достоинства и ценности каждого человека. Маловероятно, что «отцы основатели» Устава ООН, могли предвидеть развитие международного права прав человека в существующей форме, основанной на положениях Устава ООН. Что еще менее вероятно, это то, что они смогли бы смириться с достижениями (как следствиями такого развития), учитывая неизбежное столкновение таких достижений с традиционными понятиями государственного суверенитета того времени и тогдашним теоретическим базисом международного права. По отношению к настоящим положениям Устава ООН как таковым, финальный текст представляет собой существенное расширение оригинальных Предложений Дамбартон Окс, в основном по желанию малых государств, а также неправительственных организаций, лоббировавших делегации на конференции.

Тем не менее, ООН смогла добиться того, что на сегодняшний день существует обширная система институтов, органов и комитетов, которая занимается имплементацией и реализацией прав человека на международном уровне. Семь комитетов, созданных основными договорами в сфере прав человека, занимаются мониторингом имплементации каждого из таких договоров. Это – договорно-мониторинговые организации – Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по правам ребенка, Комитет ООН по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Данные Комитеты работают совместно с Экономическим и Социальным Советом, и докладывают через него Генеральной Ассамблее ООН.

Таким образом, стандарты прав человека были установлены и, за счет этого, международное право прав человека уже существует как таковое – теперь все, в области обеспечения эффективной реализации и имплементации данной отрасли международного права, зависит от сотрудничества государств и других игроков международной арены. Организация Объединенных Наций работает над защитой

прав человека в различных направлениях. В связи с тем, что государства могут просить помощи у ООН для исполнения своих обязательств, связанных с правами человека и установленных различными международными документами, данная организация создала Программу Технического Сотрудничества в Сфере Прав Человека. Посредством этой программы государства могут запрашивать и получать техническую помощь для продвижения и защиты прав человека. Предоставляемая помощь варьируется от консультативных услуг до специальных тренингов, иногда требующих присутствия «на поле» представителей персонала ООН. Тренинг-программы могут включать обучение юристов, судей, вооруженных сил, и правоприменительных органов (например, полиции) в государстве, запросившем помощь. Многие из таких программ финансируются независимыми добровольными вложениями. В то же время, государства часто конституционно закрепляют стремление к вложению средств в развитие правовых режимов защиты прав человека и соблюдения законности и правопорядка.

Тем не менее, в своем развитии международное право прав человека сталкивалось с немалыми проблемами. Дело в том, что по своей природе, всеобщие права человека должны принадлежать всем людям вне зависимости от расы, языка, религии или этнического происхождения. Такой подход предоставил законодателям еще одну серьезную проблему – приведение всех верований, традиций и культур к общему знаменателю международного права прав человека, к международному минимальному стандарту обращения. Установление такого стандарта само по себе является проблематичным, так как набор прав не может быть настолько минимален, что это сведет на нет само их существование. В целом некоторые права, содержащиеся во Всеобщей Декларации Прав Человека, являются желаемыми целями, которые государства согласились стремиться достичь. Подобная форма установления стандартов является неизбежно проблематичной. Очень трудно следить за исполнением обязательств государств в любое время, когда должны прогрессивно применяться права человека.

Тем не менее, международное право прав человека оказало влияние на всех трех уровнях развития норм права прав человека, как на конституционное право различных государств, так и на отдельные международные организации, в том числе на универсальном и на региональном уровне.

Примером могут служить, например, конституции, относящиеся к первому уровню развития норм, рассмотренные в данной работе – США, Великобритания, Франция. Положения данных конституций, касающиеся прав человека – это своего рода пионеры в процессе становления данной отрасли. Кодификация норм на втором уровне происходила, исходя из опыта этих государств. Под влиянием этих государств фактически произошло признание международным сообществом основных прав и свобод человека.

В то же время на втором уровне следует выделить Германию, Италию, Японию и Индию. Конституционные нормы данных государств, касающиеся прав человека положили начало признанию прав человека всеобщими и неотъемлемыми, консенсусом абсолютного большинства стран мира. Именно на этапе развития данных конституций началось формирование доктрины применения прав человека и поиск наиболее эффективных гарантий всеобщих прав и свобод человека. Благодаря развитию конституционных норм этими государствами, многие права получили подробное рассмотрение, как в практике международного права, так и на доктринальном уровне.

Процесс развития международного права прав человека продолжается и приходится на третий уровень связи данной комплексной отрасли международного

права с конституционным правом. Вторая половина XX века охарактеризовалась процессом деколонизации стран Африки и Азии, а его окончание – развалом СССР и Югославии. Эти процессы увеличили количество стран членов ООН и соответственно стали началом формирования собственных систем конституционного права в новых государствах. Таким образом, международное право прав человека непосредственно и прямо оказало влияние на институты прав человека в новых государствах. Присоединяясь к международным документам, и как следствие, имплементируя в свои конституции положения о правах человека, таким образом, создавая соответствующие институты, данные государства, использовали опыт стран с более длительной историей формирования и развития институтов прав человека. Этот опыт, сформировавшись на первом уровне и получив развитие на втором, был успешно принят государствами на третьем уровне.

Процесс глобализации непосредственно влияет на унификацию конституционных положений государств в области прав человека, что является прямым доказательством признания странами императивности норм и принципов регулирующие основные права и свободы человека, независимо от политического строя либо исторических традиций. Данному процессу естественным образом способствовали и созданные во второй половине XX века международные судебные инстанции, обладающие юрисдикцией в области защиты прав и свобод человека.

Признание за так называемым «ядром» прав человека императивного характера, косвенно привело к тому, что некоторые международные судебные инстанции расширили свои компетенции, выйдя в некоторой мере за «рамки» своих традиционных компетенций. Такое положение возможно в тех случаях, когда одно и то же нарушение прав человека подпадает под определения разных юрисдикций. Справедливости ради необходимо все-таки отметить, что соответствующие судебные инстанции непосредственно применяют лишь те положения международных договоров, что определены их юрисдикцией.

В свою очередь, процесс глобализации ставит перед международным правом прав человека новые вызовы, на которые государства смогут ответить лишь сообща. В таких случаях особо отметим жизненность институтов и механизмов, обеспечивающих применимость прав человека, как на международном, так и национальном уровнях.

Одним из бурно обсуждаемых вопросов современного международного права является вопрос о правосубъектности индивида и его месте в системе субъектов международного права. Несмотря на то, что на протяжении долгого времени за индивидом не признавался статус субъекта международного права, а одним из главных аргументов в пользу данной теории был тот, что он не участвует в создании норм международного права. В конце XX века с развитием самого международного права, основным направлением которого четко просматривался вопрос обеспечения основных прав и свобод человека на международном и национальном уровне, за индивидом стали признавать статус субъекта международно-правовой ответственности, поскольку с принятием целого ряда международных договоров и созданием международных трибуналов, вопрос о привлечении к ответственности за самые тяжкие преступления, получивших название «международных», больше не относился к исключительной компетенции государств. Одновременно с этим был признан тот факт, что индивид пользуется плодами международного права, осуществляя соответствующие права на основе национального права, закрепившего результаты международного сотрудничества. Для обозначения такого рода статуса предлагалось даже ввести понятие «дестинатор международного права».

Являясь сторонниками концепции международно-правовой субъектности индивида по международному праву, сошлемся в первую очередь на то, что международное право непосредственно создает для него права и обязанности. В подтверждении нашей позиции укажем три основные категории норм подтверждающих соответствующую теорию, которые рассматривались на протяжении данного исследования. Во-первых, это нормы, предусматривающие международную ответственность индивидов. Во-вторых, это нормы, предоставляющие индивиду права на обращение в международные судебные учреждения. В-третьих, это нормы, определяющие правовой статус отдельных категорий индивидов. Приведенные аргументы дают основание предположить, что государства по ряду проблем наделяют индивидов качествами международной правосубъектности. Объем такой правосубъектности, безусловно, будет возрастать, и расширяться, ибо каждая историческая эпоха порождает своих субъектов международного права.

Осмелимся предположить, что субъектом права является всякий, кто способен иметь права, независимо от того, пользуется ли он ими в действительности или нет. Индивиды обладают международными правами и обязанностями, а также способностью обеспечивать выполнение субъектами международно-правовых норм. Считаем, что этого вполне достаточно для признания у индивида качеств субъекта международного права.

Как и международное право прав человека, конституционное право любого государства не стоит на месте, а развивается в соответствии с требованиями и вызовами современности. Именно эффективная взаимосвязь и взаимовлияние данных отраслей права и будет определять дальнейшую судьбу прав человека, как на международном, так и на национальном уровне.

Научные рекомендации:

1. Необходимо рассматривать международное право прав человека как комплексной отрасли международного права, признавая его тесную связь и влияние на национальные отрасли конституционного права. Изучение прав человека лишь как отдельной правовой отрасли или международного права прав человека как отдельной правовой отрасли международного публичного права считаем более неактуальным, прежде всего, поскольку такой подход исключает из него, хотя бы частично, конституционное право.
2. Теории относительно глобализации и интернационализации конституционного права требуют научного подхода, осуществления которого возможно путем их последовательного развития и изучения. На фоне набирающей скорости глобализации и нового сетевого мира, в котором правовые концепции признаются на международном уровне сравнительно быстро, данные теории становятся все более актуальными и подтверждают тезисы исторического процесса взаимного влияния и взаимодействия между международным правом прав человека и конституционным правом.
3. Считаем актуальным вопрос углубления исследования постоянно развивающихся институтов международного права прав человека, что, в свою очередь, приведет к совершенствованию национальных отраслей конституционного права. Доктринальный подход в большинстве случаев играет решающую роль в процессе имплементации норм международного права прав человека в национальные отрасли конституционного права. Таким образом, считаем, что углубленное изучение институтов права прав человека будет

способствовать развитию доктрины конституционного права отдельно взятого государства.

4. Необходимо обеспечить процесс применения теоретических и практических новшеств в международном праве прав человека в рамках совершенствования законодательной базы в области конституционного строительства того или иного государства. Это связано с тем, что международное право прав человека отражает эссенцию демократизации и верховенства закона. Таким образом, его имплементация, и применение будет способствовать демократизации и установлению верховенства закона в любой выбранной конституционно-правовой системе.
5. По нашему мнению необходимо расширить преподавание предмета международное право прав человека в высших учебных заведениях, в том числе в сочетании с рассмотрением его влияния на определенные институты конституционного права в историческом и практическом аспектах, используя при этом представленную в данном диссертационном исследовании систему трех уровней, на примерах конституционно-правового опыта различных государств.
6. Для расширения круга юрисдикций обеспечивающих соблюдение прав человека, считаем целесообразным распространить практику международных судебных инстанций прямо или косвенно рассматривающих вопросы прав человека. Таким образом, по нашему мнению, это позволит обеспечить жизнеспособность институтов и механизмов, ответственных за данный процесс, как на международном, так и на национальном уровнях.
7. Признание императивного характера за основными правами и свободами человека, в том числе международном и национальном уровнях, позволит считать аксиомой применение принципа верховенства МППЧ по отношению к другим нормам предусмотренных как международном правом, так и конституционным правом государств.
8. Изучая и применяя институты прав человека, в том числе на международном и на национальном уровнях, необходимо рассматривать их исходя из современного доктринального и юрисдикционного толкования, в том числе из признания за индивидом международной правосубъектности.
9. Нормы МППЧ необходимо рассматривать в качестве самостоятельных норм наряду юридическими, политическими, моральными, религиозными нормами как часть международной нормативной системы.
10. Исходя из того, что положения, составляющие так называемое «ядро» прав человека признаны в качестве императивных норм, необходимо рассматривать их наряду с нормами морали в качестве основы международной нормативной системы.
11. Прямое применение и единое толкование норм МППЧ в странах, принадлежащих к различным правовым системам, делает их автоматически частью конституционного права государств, а соответствующее влияние приводит к постепенной унификации конституционного права государств.
12. Для Молдовы, Азербайджана и Грузии значимость влияния МППЧ на конституционное право определяется тем, что данные нормы в качестве императивных, обладают верховенством над соответствующими положениями конституционного права, что в свою очередь позволяет предположить, что толкование норм конституционного права, в том числе Конституционным Судом, должно исходить не столько из их содержания, сколько их самого духа МППЧ.

БИБЛИОГРАФИЯ **на русском языке**

1. Алексидзе Л. Правовые аспекты абхазской проблемы в свете документально подтвержденного, а не фальсифицированного исторического опыта и современного международного права. В: Московский журнал международного права. 1998, № 3, с.266-293.
2. Алиев Н. Международное право и Нагорно-Карабахский конфликт. Москва: Вече. 2013. 176 с.
3. Арабская хартия прав человека, 1994 [online]
<http://www1.umn.edu/humanrts/instree/arabhrcharter.html>
4. Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. Москва. 1989, 320 с.
5. Блищенко И.П. Обычное оружие и международное право. Москва. 1984
6. Венская Декларация и Программа Действий, ООН, 1993 [online]
<http://www.un.org/russian/document/declarat/viendec.pdf>
7. Венская Конвенция «О праве международных договоров», ООН, 1969 [online]
<http://www.pavlodar.com/zakon/index.html?dok=03171>
8. Верле Г. Принципы международного уголовного права. Одесса: Фенікс, 2011. 910 с.
9. Всеобщая декларация прав человека, ООН, 1948 [online]
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
10. Гамурарь В. Санкции как средство пресечения нарушений международного гуманитарного права на международном и национальном уровне. Право и Политология. 2011, № 18, с.26-31.
11. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Москва: МККК, 2011. 1140 с.
12. Каирская декларация «О правах человека в исламе». Каир, 1990 [online]
<http://www.uapravo.net/data2008/base65/ukr65918.htm>
13. Консолидированная версия Договора о Европейском союзе и Договора, учреждающего Европейское сообщество, исправленная и дополненная в соответствии с Единым европейским актом, Маастрихтским договором, Амстердамским договором и некоторыми другими актами. Москва: «Интердиалект», 2001, 94 с.
14. Конституция Российской Федерации. Москва, 1993 [online]
<http://www.constitution.ru>
15. Лукашук И.И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. И доп. Москва: Волтерс Клувер, 2005, 268 с.
16. Макили-Алиев К. Влияние международного права прав человека на национальные отрасли конституционного права. Кишинэу: Академия Наук Молдовы, 2012. 564 с.
17. Макили-Алиев К. Дискриминация в международном праве прав человека. Право и политология. 2012, № 21, с.11-22.
18. Макили-Алиев К. Институт гражданских и политических прав человека. Межкультурные коммуникации (Тбилиси, Грузия). 2010, № 11, с.155-167.
19. Макили-Алиев К. Институт групповых прав в международном праве прав человека. Межкультурные коммуникации (Тбилиси, Грузия). 2012, №18, с.105-115.

20. Макили-Алиев К. Институт международного гуманитарного права. Право и политология (Тбилиси, Грузия). 2010, № 14, с.22-27.
21. Макили-Алиев К. Институт прав беженцев в международном праве прав человека. Право и политология (Тбилиси, Грузия). 2010, № 15, с.6-13.
22. Макили-Алиев К. Институт прав меньшинств и коренных народов. Право и политология. 2011, № 18, с.14-21.
23. Макили-Алиев К. Институт прав человека в конституционном праве Азербайджанской Республики. В: *Səmərəli dövlət idarəçiliyi: zamanın çağırışları*. Баку, 2012, с.119-122.
24. Макили-Алиев К. Материальное международное право прав человека (Материальные права): Общие положения. Закон и жизнь. 2011, № 12, с.11-17.
25. Макили-Алиев К. Права на труд и образование в институте экономических, социальных и культурных прав человека. Кавказ и мир (Тбилиси, Грузия), 2010, № 5, с.115-124.
26. Макили-Алиев К. Системы имплементации и применения международного права прав человека: органы и механизмы. Баку: Elm və Təhsil, 2009, 190 с.
27. Матарадзе Л. Принцип равноправия и самоопределения народов в международном праве. Политика (Москва). 1993, № 10-11, с.8-11.
28. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. Ред. Проф. Р.М. Валеев и проф. Г.И. Курдюков. Москва: Статут, 2010, 640 с.
29. Мустафаева А. Защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве и законодательстве Азербайджанской Республики. Институт по правам человека Национальной Академии Наук Азербайджана. Баку: Nurlar. 2008. 166 с.
30. Накашидзе Б. Военно-политические кризисы и международное право. Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество), Москва, 2007, № 4, с.22-24.
31. Офис Верховного Комиссара ООН по правам человека. Права человека при отправлении правосудия, серия №9. ООН. Нью-Йорк-Женева, 2003, 185 с.
32. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. Москва. МККК, 1993, 90 с.
33. Права человека. Учебник для вузов / Под ред. Лукашева Е.А. Москва: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999, 430 с.
34. Права человека: сборник международных документов. Варшава: Хельсинский фонд по правам человека, 2001, 392 с.
35. Пырлог В. Совместимость Европейской Конвенции по правам человека с Конституцией Республики Молдова в области свободы выражения мнения. Автореферат. PRINT-CARO, Chisinau, 2013, 48 с.
36. Саидов А.Х. Международное право прав человека. Учебное пособие. Москва: МЗ Пресс, 2002, 284 с.
37. Сассоли М., Бувье А. Правовая защита во время войны. В 4-х томах. Москва: МККК, 2008.
38. Сафаров Н. Проблемы обеспечения совместимости Римского Статута Международного Уголовного Суда и национальных правовых систем (опыт законодательства Азербайджанской Республики). Баку: Юридическая литература. 2002. 196 с.
39. Хартия Основных Прав Европейского Союза, ЕС. Ницца, 2000 [online] <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=4103>

40. Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное права. Москва: МККК, 2006 г. 818 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

на румынском, английском, французском, немецком, азербайджанском и грузинском языках

1. *Affaire Khasiyev et Akayeva c. Russie* (requêtes n°s 57942/00 et 57945/00). Arrêts du 24 février 2005 [online]
<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=57942&sessionid=65965853&skin=hudoc-fr>
2. Balan O. Protecția internă națională a drepturilor omului în conflictele armate. Teza de doctor habilitat în drept. Chișinău: 2009. 260 p.
3. Barbăneagră A., Gamurari V. Crimele de război. Chișinău: Reclama SA, 2008. 500 p.
4. Belgian Linguistics Case, Ser. A, No. 34 (1968) [online]
http://www.pili.org/dadel/Belgian_Linguistics_case
5. Cârnaț T. Drept constituțional. Chișinău: Print-Caro. 2010. 513 p.
6. Cârnaț T., Cârnaț M. Protecția juridică a drepturilor omului. Chișinău: Reclama, 2006. 380 p.
7. Case Concerning the Questions of Minority Schools in Albania 1935 PCIJ Series A/B [online] www.maclester.edu/courses/intl245/docs/1935.04.06_albania.pdf
8. Cauia A., Chirtoacă N. Statutul juridic al combatantului în conflictele armate contemporane. Chișinău: Notograf Prim, 2012. 236 p.
9. Conforti B., Francioni F. Enforcing International Human Rights in Domestic Courts. Martinus Nijhoff Publishers, The Hague, 1997, 529 p.
10. Costache Gh. Direcții prioritare ale edificării statului de drept în Republica Moldova. Chișinău: F.E.-P Tipografia Centrală. 2009. 327 p.
11. Dabu V. Despre dreptul și arta apărării. București: Regia autonomă «Monitorul Oficial», 1994, 248 p.
12. Doebbler C. Introduction to International Human Rights Law. CD Publishing, Washington DC, 2007, 419 p.
13. Evans M.D. International Law. Second Edition. New York: Oxford University Press, 2006, 720 p.
14. Əliyev Ə. Müasir beynəlxalq hüquqda insan hüquqları, əhali və miqrasiya problemləri. Bakı: NAT Co. Publishing, 2007, 418 c.
15. Guceac I. Curs elementar de drept constitutional. Chisinau: S.n., 2001, 220 p.
16. Hatidze G. The Legal Basis and Guiding Principles of United Nations Peacekeeping Operations. ხელისუფლება და საზოგადოება: ისტორია, თეორია, პრაქტიკა / ღია დიპლომატიის ასოციაციის სამეცნიერო ჟურნალი. თბილისი, N3(19), 2011. გვ.85-96.
17. Hoffman v Austria, Ser. A, No. 255-C (1993) [online]
<http://www.religlaw.org/template.php?id=143>
18. Hoffmann I. Der Grundsatz der Subsidiarität im Rechtsschutzsystem der Europäischen Menschenrechtskonvention. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2007, 542 p.
19. İbayev V. Beynəlxalq humanitar hüquq. Bakı: Hüquq ədəbiyyatı. 2001. 496 c.
20. Ioviță A. Unele probleme de aplicare a principiului distincției în dreptul internațional umanitar. Teza de doctor în drept. Chișinău: 2009. 150 p.

21. Knop K. Here and There: International Law in Domestic Courts. 32 New York University Journal of International Law and Politics, 501 (2000).
22. Lerner N. Group Rights and Discrimination in International Law. The Hague: Martin Nijhoff, 1991, 297 p.
23. Lerner N. Group Rights and Discrimination in International Law. The Hague: Kluwer, 1999, 338 p.
24. Lester A. The Overseas Trade in the American Bill of Rights. 88 Columbia Law Review, 537 (1988), 230 p.
25. Makili-Aliyev K. Human Rights Friendly Public Administration. Change and Transformation in the Organisation of Islamic Cooperation (Baku, Azerbaijan), 2012, SAM, pp.375-378.
26. McKean W. Equality and Discrimination under International Law. Oxford: Clarendon Press, 1993, 326 p.
27. Muraru I., Iancu Gh. Drepturile, libertățile și îndătoririle constituționale. București, 1992, 338 p.
28. Nakashidze B. ხელისუფლება და საზოგადოება: ისტორია, თეორია, პრაქტიკა / ღია დიპლომატიის ასოციაციის სამეცნიერო ჟურნალი. თბილისი. N2(18), 2011, გვ.13-20.
29. Rehman J. International Human Rights Law. 2nd ed. Pearson Education Limited, Harlow, 2010, 432 p.
30. Rubén D. Stalla Colsta v. Uruguay, Communication No. 198/1985, U.N. Doc. CCPR/C/OP/2 at 221 (1990) [online] www.bayefsky.com/pdf/148_uruguay198vws.pdf
31. Santa Cruz H. Racial Discrimination. New York: United Nations, 1971, 326 p.
32. Schwartz H. The Internationalization of Constitutional Law. 10 HUM. RTS. BRIEF 10 (2003), 531 p.
33. Smith Rhona. Textbook on International Human Rights. 5th ed. Oxford University Press, Oxford, 2012, 583 p.
34. Smochină A. Istoria universală a statului și dreptului. Chișinău: F.E.-P. Tipografia Centrală. 2013. 552 p.
35. Țurcan S. Aspecte privind consacrarea drepturilor fundamentale ale omului în Constituțiile statelor Uniunii Europene. În: Materialele conferinței științifico-practice internaționale „Dreptul internațional umanitar la 60 de ani de la semnarea Convențiilor de la Geneva”. Chișinău. 30-31 octombrie 2009, p.234-237.
36. Țurcan S. Reglementarea constituțională a principiului caracterului excepțional al restrângerii executării unor drepturi și libertăți fundamentale. În: Materialele conferinței științifico-practice internaționale „Metode și forme de racordare a cadrului juridic al Republicii Moldova și al Uniunii Europene în materie de azil”. Chișinău. 10.12.2010, p.90-97.
37. Tushnet M. The Inevitable Globalization of Constitutional Law. 49 Virginia Journal of International Law, 985 (2009), p.382-393.
38. UN Doc. A/51/950 [online] <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/189/81/IMG/N9718981.pdf>
39. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/2002/21 [online] [http://www.unhchr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/\(Symbol\)/E.CN.4.Sub.2.2002.21.En?Opendocument](http://www.unhchr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/(Symbol)/E.CN.4.Sub.2.2002.21.En?Opendocument)
40. Weissbrodt D., Connie de la Vega. International Human Rights Law: An Introduction. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 2007, 364 p.

**Публикации автора по теме:
Монографии:**

1. Enforcement of International Law in the Nagorno-Karabakh Conflict (Guidebook to International Humanitarian Law and International Criminal Law in Nagorno-Karabakh Conflict). – Tbilisi: Universal, 2008. – 206 pp.
2. Системы имплементации и применения международного права прав человека: органы и механизмы. Монография. – Баку: Elm və Təhsil (Наука и Образование), 2009. – 192 с.
3. The Caspian Basin: Geopolitics and the Future Balance of Power. - SAM Review (Baku, CSS), 2011, November, No:4 – (в соавторстве с Reshad Karimov, Eugene Chausovsky)
4. Влияние международного права прав человека на национальные отрасли конституционного права. – Кишинэу: Академия Наук Молдовы, 2012. – 564 с.
5. Cyber-Security Objective: Azerbaijan in the Digitalized World. - SAM Review (Baku, CSS), 2013, November, No:11 – (в соавторстве с Attiq-ur-Rehman)
6. Nagorno-Karabakh Conflict in International Legal Documents and International Law. – Bakı: SAM, 2013. – 138 p.

Научные статьи:

7. Права на труд и образование в институте экономических, социальных и культурных прав человека. – Кавказ и мир (Тбилиси, Грузия), 2010, № 5, с. 115-124
8. Институт гражданских и политических прав человека. – Межкультурные коммуникации (Тбилиси, Грузия), 2010, № 11, с. 155-167
9. Региональные системы имплементации и применения международного права прав человека. – Право и политология (Тбилиси, Грузия), 2010, № 7(12), с. 13-17
10. International Criminal Court and UN Security Council: Relationship and Influence. – In: “Gelati 2010” – “New World and we”. Theses. – Tbilisi: Gelati Academy of Sciences, 2010, p.18-26
11. Институт международного гуманитарного права. – Право и политология (Тбилиси, Грузия), 2010, № 14, с. 22-27
12. Институт прав беженцев в международном праве прав человека. – Право и политология (Тбилиси, Грузия), 2010, № 15, с. 6-13
13. Cyber-war: A New Chapter in International Law Development. – Caucasus International (Ankara, Moda Ofset Basim Yayin), 2011, No:2, Vol.1, 179-191
14. Институт международного уголовного права. – Право и политология (Тбилиси, Грузия), 2011, № 16, с. 6-13
15. 'Mediterranean Knot' Overview. – Turkish Weekly, 2011, 23.12. – <http://www.turkishweekly.net/op-ed/2925/-39-mediterranean-knot-39-overview.html>
16. Материальное международное право прав человека (Материальные права): Общие положения. – Закон и жизнь (Кишинэу, Молдова), 2011, № 12, декабрь, с. 11-17; Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2011, № 17, с. 17-23
17. Институт прав меньшинств и коренных народов – Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2011, № 18, с. 14-21
18. Israel-Azerbaijan. Common history, common tragedies... – Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2012, № 19, с. 34-36

19. Late 2011 Mediterranean-Gulf Politico-Legal Overview – World of Diplomacy (Baku, Azerbaijan), 2012, № 31, с. 85-89
20. Институт групповых прав в международном праве прав человека. – Межкультурные коммуникации (Тбилиси, Грузия), 2012, №18, с. 105-115
21. Европейская система имплементации и применения международного права прав человека. – Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2012, № 20, с. 16-23
22. Институт прав человека в конституционном праве Азербайджанской Республики. – В кн: Səmərali dövlət idarəçiliyi: zananın çağırışları. - Баку, (Азербайджан), 2012, с. 119-122
23. Human Rights Law in Public Administration of Azerbaijan. – Dirçəliş – XXI əsr (Baku, Azerbaijan), 2012, № 166-167, s.273-377 – на английском языке.
24. Некоторые аспекты провала международного права в Нагорно-Карабахском конфликте – "Армяно-азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт и конфликт в Приднестровье: современное состояние и перспективы урегулирования". Материалы Международной научно-практической конференции, (Кишинэу, Молдова, 1 июня 2012 г.). – Кишинэу: Академия Публичного Управления при Президенте Республики Молдова, 2012, с. 38-44
25. Дискриминация в международном праве прав человека. – Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2012, № 21, с. 11-22.
26. Comparative International Humanitarian Law: Atrocities in Syria and Nagorno-Karabakh Conflict. – The Caucasus and Globalization (Lulea, Sweden), 2012, № 3 (6), Special Issue, pp. 35-42 – на английском языке; Кавказ и Глобализация (Лулео, Швеция), 2012, № 3 (6), Специальный выпуск, с.40-50. – на русском языке.
27. Human Rights Friendly Public Administration. – Change and Transformation in the Organisation of Islamic Cooperation (Baku, Azerbaijan), 2012, SAM, pp. 375-378.
28. Eastern Partnership and Border Security: Perspective of Azerbaijan. – The EU Eastern Partnership: Common Framework or Wider Opportunity? (C.Frappi & G.Pashayeva eds., Milan, Italy), 2012, pp.157-171.
29. Azerbaijan's Foreign Policy: Between East and West... – IAI Working Papers (Rome, Italy), 2013, №1305. <http://www.iai.it/content.asp?langid=2&contentid=834>
30. Региональные системы имплементации и применения международного права прав человека. - Право и политология (Тбилиси, Грузия), 2010, № 7(12), с. 13-17
31. International Criminal Court and UN Security Council: Relationship and Influence. – In: "Gelati 2010" – "New World and we". Theses. – Tbilisi: Gelati Academy of Sciences, 2010, p.18-2
32. Институт международного гуманитарного права. – Право и политология (Тбилиси, Грузия), 2010, № 14, с. 22-27
33. Институт прав беженцев в международном праве прав человека. – Право и политология (Тбилиси, Грузия), 2010, № 15, с. 6-13
34. Cyber-war: A New Chapter in International Law Development. - Caucasus International (Ankara, Moda Ofset Basim Yayin), 2011, No:2, Vol.1, 179-191
35. Институт международного уголовного права. – Право и политология (Тбилиси, Грузия), 2011, № 16, с. 6-13
36. 'Mediterranean Knot' Overview. – Turkish Weekly, 2011, 23.12. - <http://www.turkishweekly.net/op-ed/2925/-39-mediterranean-knot-39-overview.html>

37. Материальное международное право прав человека (Материальные права): Общие положения. – Закон и жизнь (Кишинэу, Молдова), 2011, № 12, декабрь, с. 11-17; Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2011, № 17, с. 17-23
38. Институт прав меньшинств и коренных народов – Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2011, № 18, с. 14-21
39. Israel-Azerbaijan. Common history, common tragedies... – Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2012, № 19, с. 34-36
40. Late 2011 Mediterranean-Gulf Politico-Legal Overview – World of Diplomacy (Baku, Azerbaijan), 2012, № 31, с. 85-89
41. Институт групповых прав в международном праве прав человека. – Межкультурные коммуникации (Тбилиси, Грузия), 2012, №18, с. 105-115
42. Европейская система имплементации и применения международного права прав человека. – Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2012, № 20, с. 16-23
43. Институт прав человека в конституционном праве Азербайджанской Республики. – В кн: Səmərəli dövlət idarəçiliyi: zamanın çağırışları. - Баку, (Азербайджан), 2012, с. 119-122
44. Human Rights Law in Public Administration of Azerbaijan. – Dirçəliş – XXI əsr (Baku, Azerbaijan), 2012, № 166-167, s.273-377 - на английском языке
45. Некоторые аспекты провала международного права в Нагорно-Карабахском конфликте – "Армяно-азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт и конфликт в Приднестровье: современное состояние и перспективы урегулирования". Материалы Международной научно-практической конференции, (Кишинэу, Молдова, 1 июня 2012 г.). – Кишинэу: Академия Публичного Управления при Президенте Республики Молдова, 2012, с. 38-44
46. Is Time Running Out for Iran? - Caucasus International (Ankara, Moda Ofset Basım Yayın), 2012, No:1, Vol.2, pp. 111-128 (в соавторстве)
47. Дискриминация в международном праве прав человека. – Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2012, № 21, с. 11-22
48. Comparative International Humanitarian Law: Atrocities in Syria and Nagorno-Karabakh Conflict. – The Caucasus and Globalization (Lulea, Sweden), 2012, № 3 (6), Special Issue, pp. 35-42 – на английском языке; Кавказ и Глобализация (Лулео, Швеция), 2012, № 3 (6), Специальный выпуск, с.40-50. – на русском языке
49. Human Rights Friendly Public Administration. – Change and Transformation in the Organisation of Islamic Cooperation (Baku, Azerbaijan), 2012, SAM, pp. 375-378
50. Eastern Partnership and Border Security: Perspective of Azerbaijan. – The EU Eastern Partnership: Common Framework or Wider Opportunity? (C.Frappi & G.Pashayeva eds., Milan, Italy), 2012, pp.157-171
51. Инициатива Азербайджанской Республики в ООН. - Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2013, № 23, с. 26-29 (в соавторстве)
52. Azerbaijan's Foreign Policy: Between East and West... – IAI Working Papers (Rome, Italy), 2013, №1305. <http://www.iai.it/content.asp?langid=2&contentid=834>
53. Chapter 2: Azerbaijan. – in Marian Majer ed., Sector Security Reform in Countries of Visegrad and Southern Caucasus: Challenges and Opportunities (Bratislava, Slovakia), CENAA, 2013, pp. 23-35
54. Impact of the U.S. Withdrawal from South Caucasus on the Regional Security of the Caspian Basin: Outlook from Azerbaijan. – Post-Hegemonic Global

- Governance, 2nd ed. (Amherst, MA, U.S.), National Security Institute, Institute for Training and Development, 2013, pp. 8-12
55. The Legal Status of Quasi-Autonomies in USSR: Case of Nagorno-Karabakh's Autonomous Oblast. - Caucasus International (Ankara, Pasifik Ofset Ltd.), 2013, No:1-2, Vol.3, pp. 113-145 (в соавторстве с F.Mehdiyev, I.Bagirova, G.Pashayeva) – на английском языке
 56. Azerbaijan's Foreign Policy Blueprint. – Özümüzü və Dünyanı Dərketmə Yolunda, AMEA İnsan Hüquqları İnstitutunun doktorant və dissertantlarının elmi nəşrləri (Baku, Azerbaijan), 2013, s.23-36 - на английском языке
 57. Aland adaları Dağlıq Qarabağ münaqişəsinin həlli nümunəsi kimi. – Dırçəliş – XXI əsr (Baku, Azerbaijan), 2013, № 173-174, s.304-310 - на азербайджанском языке
 58. The Legal Status of Quasi-Autonomies in the USSR: Case of Nagorno-Karabakh's Autonomous Oblast - Caucasus International (Ankara, Moda Ofset Basim Yayin), 2013, No:1-2, Vol.3, pp. 113-145 (в соавторстве)
 59. Crimes in Syria and Nagorno-Karabakh Conflict: International Humanitarian Law Study. - Çoxşaxəli Beynəlxalq Hüquq (Bakı, Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası İnsan Hüquqları İnstitutu), 2013, pp.184-197
 60. SSCB'de Yarı-özerkliğin Hukuki Durumu: Dağlık Karabağ Özerk Bölgesi Örneği. – Uluslararası Suçlar ve Tarih (Ankara, Özyurt Matbaacılık), 2014, No. 14, ss. 69-104 (в соавторстве с F.Mehdiyev, I.Bagirova, G.Pashayeva)
 61. Cybersecurity Challenges and the International Human Rights Law Nexus. – In: Mecanisme na□ionale □i interna□ionale de protec□ie a drepturilor omului (Materiale ale mesei rotunde cu participare interna□ională consacrată aniversarii a 65-a de la adoptarea Declara□iei Universale a Drepturilor Omului, 11 decembrie 2013). – Chi□inău: Academia de Administrare Publică, 2014, pp.46-58
 62. Problems of International Criminal Law in the Nagorno-Karabakh Conflict. - Право и политология (Кишинэу, Молдова), 2014, № 25, с. 20-25
 63. Институт прав человека в бизнесе (Materiale ale mesei rotunde cu participare interna□ională constantă aniversării a 20-a de la fonderea Academiei de Administrare Publică de pe Lingă Pre□edintele Republicii Moldova, 11 decembrie 2012). – Chi□inău Academia de Administrare Publică, 2014, pp. 99-114
 64. Developments and Paradigms of Human Rights Law in Public Administration of Azerbaijan. In: Правовые реформы в постсоветских странах: достижения и проблемы. Материалы Международной научно-практической конференции (Кишинеу, 28-29 марта 2014 года). – Кишинеу: Iulian, 2014, с.62-65
 65. Landmarks and Challenges of Good Governance Practices in Azerbaijan. In: Governance and Sustainability: the Black Sea (Melanie Sully ed.) – Vienna: Institute for Go-Governance, 2014, pp.45-52
 66. Конституционное судопроизводство в Азербайджанской Республике. – Проблемы конституционализма и его судебной защиты в государствах Восточной Европы (под ред. С.Суловски и Я.Залесны, Варшава, Польша), - Studia Politologiczne (Warsaw, Poland), 2014, vol. 32, s. 190-202
 67. Проблемы международного уголовного права в Нагорно-Карабахском конфликте. – Право и политология (Кишинеу, Молдова), 2014, № 25, с. 20-25
 68. Последствия «Дела Перинчек против Швейцарии» о так называемом «армянском геноциде». – Jurnalul juridic na□ional: teorie □i practică (Chi□inău, Moldova), 2014, № 3 (7), pp. 94-98; Implications of the Perincek v. Switzerland Caze on the so-called armenian “genocide”. – Law and Politology, 2014, № 26, pp. 12-16

69. Security Sector Reform Action Plan for Azerbaijan. – in Barbora Padrtova ed., Sector Security Reform Action Plans for the South Caucasus Countries (Bratislava, Slovakia), CENAA, 2014, pp. 45-68
70. Caspian 'Sea' and Its International Legal Status. – in Carlo Frappi, Azad Garibov eds., The Caspian Sea Chessboard: Geo-political, geo-strategic and geo-economic analysis (Milan, Italy), ISPI, SAM, Egea, 2014. pp. 27-39

АННОТАЦИЯ

КАМАЛ МАКИЛИ-АЛИЕВ. *Влияние международного права прав человека на конституционное право в Азербайджанской Республике, Республике Молдова и Грузии, Кишинэу, 2015.*

Диссертация на соискание ученой степени доктора хабилитат права состоит из восьми разделов (введения, пяти глав, заключения и библиографии). Научные результаты опубликованы в 70 научных статьях и в научных докладах.

Ключевые слова: конституционное право, международное право прав человека, сравнительное правоведение, права человека, институты, имплементация норм, нормотворчество, законодательство, конституция, принципы международного права.

Область исследования: конституционное право, международное право прав человека, международное право.

Цель и задачи работы: научное определение международного права прав человека в качестве комплексной отрасли международного права и исследования его влияния на соответствующие национальные отрасли конституционного права. Целью данного диссертационного исследования ставится комплексное исследование влияния международного права прав человека на формирование национальных институтов прав человека в конституционном праве.

Новизна и научная оригинальность работы: представленная работа является первым монографическим исследованием системных вопросов влияния международного права прав человека, в качестве самостоятельной комплексной отрасли международного права, на формирование национальных отраслей конституционного права, с учетом национальных институтов права прав человека. Влияние международного права прав человека на конституционное право государств необходимо рассматривать через призму признания за «ядром» прав человека императивного характера.

Основная решенная научная проблема: международное право прав человека является комплексной отраслью права, оказывающее непосредственное влияние на конституционное право государств. Тем самым, прямое применение и единое толкование норм МППЧ в странах, принадлежащих к различным правовым системам, делает их автоматически частью конституционного права государств, и приводит к постепенной унификации конституционного права государств.

Теоретическая значимость исследования: исследование носит научный характер, раскрывает формы и механизмы влияния международного права прав человека на конституционное право государств, указывая на императивный характер положений регулирующих основные права и свободы человека, что в свою очередь должно ускорить унификацию толкования соответствующих положений, как на международном, так и на национальном уровне государств.

Практическая значимость исследования: практические предложения, содержащиеся в исследовании, могут быть использованы как во внутригосударственной правотворческой деятельности, так и в международном правотворчестве, при подготовке международных документов, совершенствовании международной практики правотворческой и правозащитной деятельности.

Внедрение научных результатов: результаты, общие выводы и рекомендации исследования опубликованы в статьях различных профильных журналов, представлены в качестве докладов на национальных и международных конференциях.

ADNOTARE

KAMAL MAKILI-ALIYEV. *Influența dreptului internațional al drepturilor omului asupra dreptului constituțional în Republicile Azerbaidjan, Moldova și Georgia.*
Chișinău, 2015.

Teza de doctor habilitat în drept constă din opt părți (introducere, cinci capitole, concluzii și bibliografie). Rezultatele științifice au fost publicate în 70 de articole științifice și rapoarte științifice prezentate în cadrul conferințelor științifice.

Cuvinte-cheie: drept constituțional, drept internațional al drepturilor omului, drept comparat, drepturile omului, institute, implementarea normelor, proces normativ, legislație, constituția, principiile dreptului internațional.

Domeniul de studiu: sunt axate pe tentativa determinării dreptului internațional al drepturilor omului în calitate de ramură complexă a dreptului internațional și studierea influenței lui asupra ramurilor naționale de drept constituțional. Obiect al studiului constituie normele de drept internațional, ce au tangență cu influența dreptului internațional al drepturilor omului asupra formării ramurilor respective ale dreptului constituțional, prin prisma creării și implementării normelor dreptului material.

Scopul și obiectivele lucrării: scopul prezentului studiu este examinarea complexă a influenței dreptului internațional al drepturilor omului asupra formării institutelor naționale ale drepturilor omului în dreptul constituțional. Influența dreptului internațional al drepturilor omului asupra dreptului constituțional al statelor trebuie examinat prin prisma recunoașterii caracterului imperativ pentru „nucleul” drepturilor omului.

Noutatea și originalitatea științifică: prezenta lucrare este primul studiu monografic ce reflectă aspectele sistemice de influență a dreptului internațional al drepturilor omului în calitate de ramură complexă independentă de drept internațional, asupra formării ramurilor naționale de drept constituțional, fiind luate în considerație institutele naționale în domeniul drepturilor omului.

Problema științifică și importanța soluționată: dreptul internațional al drepturilor omului constituie o ramură complexă de drept ce influențează în mod direct dreptul constituțional al statelor. În așa fel aplicarea directă și interpretarea uniformă a normelor dreptului internațional al drepturilor omului în state ce fac parte din diferite sisteme de drept, le face automat parte a dreptului constituțional și duce treptat la unificarea dreptului constituțional al statelor.

Semnificația teoretică: studiul are un caracter științific, descrie formele și mecanismele influenței dreptului internațional al drepturilor omului asupra dreptului constituțional al statelor, atenționând asupra caracterului imperativ al prevederilor ce reglementează drepturile și libertățile fundamentale ale omului, ceea ce trebuie să grăbească procesul de unificare a interpretării prevederilor respective, atât la nivel internațional, cât și național al statelor.

Valoarea aplicativă a lucrării: propunerile cu caracter practic ce se conțin în studiul dat, pot fi aplicate atât la nivel național, cât și internațional, în contextul elaborării documentelor internaționale, perfectării practicii internaționale de creare a normelor de drept și de asigurare a acestora.

Implementarea rezultatelor științifice: rezultatele cercetării, concluziile și recomandările definitive pe parcursul efectuării studiului, au fost expuse în textele articolelor științifice în reviste de specialitate, precum și discutate și evaluate în cadrul conferințelor de profil naționale și internaționale.

ANNOTATION

KAMAL MAKILI-ALIYEV. *Impact of the International Human Rights Law to the Constitutional Law of the Republic of Azerbaijan, of the Republic of Moldova and of Georgia.* Chisinau, 2015.

This doctor habilitat thesis consists of eight parts (introduction, five chapters, conclusion and bibliography). Academic results have been published in 64 academic research papers as well as in academic reports on international conferences.

Keywords: constitutional law, international human rights law, comparative law, human rights, institutes, implementation of norms, lawmaking, legislation, constitution, principles of international law.

Field of study: constitutional law, international human rights law, international law.

Thesis objects and objectives: academic definition of international human rights law as a complex branch of international law and research its impact on specific national branches of constitutional law. The main objective of this academic research is a comprehensive research of the impact of international human rights law on development of national human rights institutes of constitutional law.

Novelty and academic originality: this thesis is the first monographic attempt to research the systematic question of the impact of international human rights law, as a self-sufficient complex branch of international law, on development of national branches of constitutional law, taking into account national human rights institutes. Impact of international human rights on constitutional law of the states should be considered through the prism of recognition of the "core" of human rights imperative character.

Main solved academic problem: international human rights law in a complex branch of law, having direct influence on national constitutional laws. Thereby direct application and uniform interpretation of the human rights law norms in the countries, belonging to different legal systems, automatically makes them a part of constitutional law and leads to gradual unification of the countries constitutional laws.

Theoretical value of the research: the research holds an academic character, reveals the forms and mechanisms of international human rights law impact on national constitutional law, pointing to the mandatory nature of the provisions governing the basic human rights and freedoms, which in its turn should accelerate the unification of the interpretation of the relevant provisions both at the international and national levels of countries.

Practical value of the research: applicable recommendations, provided by this research, can be used both in national lawmaking and in international lawmaking, when drafting international documents, developing international practice of law enforcement and right protecting activities.

Applied value: results, general conclusions and recommendations of the research are published in articles in various specialized journals, presented as reports on national and international conferences.

КАМАЛ МАКИЛИ-АЛИЕВ

**ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ,
РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА И ГРУЗИИ**

Специальность: 552.01 – Конституционное право

АВТОРЕФЕРАТ

ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ХАБИЛИТАТ ПРАВА

Подписанно в печать: _____

Формат бумаги: А 5

Бумага офсетная.

Печать цифровая. Тираж

Печатных листов:

Заказ №

KAMAL MAKILI-ALIEV

**INFLUENȚA DREPTULUI INTERNAȚIONAL AL DREPTURILOR OMULUI
ASUPRA DREPTULUI CONSTITUȚIONAL ÎN REPUBLICILE AZERBAIDJAN,
MOLDOVA ȘI GEORGIA**

Specialitatea: 552.01 – Drept constituțional

**AUTOREFERAT
al tezei de doctor habilitat în drept**